

18+

СИТНИКОВ ВЛАДИСЛАВ

СОПРИЧАСТНОСТЬ

и наестся саранча

Владислав Ситников

**Сопричастность.
И наестся саранча**

«Издательские решения»

Ситников В.

Сопричастность. И наестся саранча / В. Ситников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-556500-6

Эта история началась в России девяностых и заканчивается в наши дни. Правда и вымысел, реальность и обман, победы и провалы — все переплелось в ней, как и в судьбах главных героев книги. Банк, имя которого кто-то когда-то где-то слышал, стал для наших героев домом, семьей, работой, мечтой... и крахом всех надежд. Надежд на сопричастность к большим делам, высотам благополучия и свободы. Прошлая жизнь для них безвозвратно окончена. Но... может быть, настоящая только сейчас и начинается?

ISBN 978-5-00-556500-6

© Ситников В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	15
Ты помнишь, как все начиналось	15
Бытие	16
Зиц-председатель	22
У руля	26
Настоящий наследник	44
Часть 2	52
Первый среди равных	52
За дело!	62
Дело компании Ю	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сопричастность И наестся саранча

Владислав Ситников

*Алексее Михайловичу
и Надежде Ивановне*

*Редактор Ольга Рыбина
Корректор Оксана Сизова
Иллюстратор Марина Шатуленко
Дизайн обложки Максим Новиков*

© Владислав Ситников, 2021

ISBN 978-5-0055-6500-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И о своем создателе помни с юных дней,
Еще до поры, как настанут дни худые
И приблизятся годы, о которых ты скажешь:
«Я их не хочу», —
...
Малого холмика станешь бояться,
И препоны будут на дороге,
И цветы миндаля опадут,
И наестся саранча...

Экклезиаст

Пролог

Молодой человек медленно шел по главной улице города, по которой тысячи бывших, будущих и нынешних клерков сновали мимо своих офисов, уютных кафе и дорогих магазинов, кутаясь от холода в пальто или плащи. Самоуверенные лица стремительно проносились мимо него, но при этом в каждом движении прохожих была заметна размеренность, а порой даже вальяжность. Сочетание, в которое почти невозможно поверить, если вы никогда не бывали здесь. Могло показаться, будто кто-то нарочно режиссирует этот спектакль и создает иллюзию яркой деловой жизни, неуместной в серых красках низкого свинцового неба.

Этот прохожий, очевидно, выбивался из механизма отлаженной, как знаменитые швейцарские часы, жизни города. Хотя так было не всегда. Парадокс царившей в Цюрихе «спешки без суеты», в которую, как в представление иммерсивного театра, он теперь погрузился, мог бы сбить с толку чужака. Но только не его. Разгадка была прекрасно ему известна из воспоминаний о прошлой жизни: в этом городе каждый понимал свою роль в разыгрываемой веками пьесе и, вне зависимости от собственных амбиций, довольствовался правом на скромное вознаграждение за безукоризненное и своевременное следование установленным правилам. Главное – удержаться в нужном ритме, который, казалось, незримо отсчитывает потаенный метроном, чьи звуки, растворенные в шуме города, дозволено услышать только посвященным в его тайны. Они с детства знали, что торопиться нет никакого смысла, но и останавливаться тоже ни в коем случае нельзя: всему свое время, но бег его неумолим. Он же усвоил это только теперь, когда узнал, чем оборачивается стремительный взлет и скоротечный успех.

Старый швейцарский город, конечно, уступал Лондону и Нью-Йорку масштабами своего нынешнего финансового величия, однако отсутствие на его улицах привычной для современных мегаполисов суетливой и бестолковой беготни и шума отнюдь не означало, что так же однообразна и спокойна жизнь местных банкиров, которые веками хранили и продолжают оберегать тайны происхождения состояний, благополучия династий и могущества целых государств. Они знали, что их козырь – не в прорывных технологиях и невероятной скорости финансовых операций, не в этой показной суете деловых столиц мира. Нет. Они дают клиентам то, чего им как раз не может обеспечить шумный Уолл-стрит и многоголосый лондонский Сити, – тишину, которую, как известно, так любят деньги, которые, как известно, так любят швейцарцы.

Когда-то и наш герой перемещался по этой улице из одного офиса в другой, соприкасаясь, как тогда казалось, с сакральными таинствами мира старых европейских финансистов. Они с напускным радушием, которое плохо скрывало пренебрежение и опаску, изображали, как рады появлению у порога их закрытого клуба этих варваров с Востока с непонятными языком, алфавитом и историей происхождения денег. Ощущение сопричастности к чему-то глобальному, почти что вселенскому, вдохновляло и, что греха таить, тешило самолюбие, наполняя планы на будущее задачами, целями, амбициями. Фантазиями, иллюзиями, миражами... Теперь он находился на этих улицах всего лишь в качестве туриста, навсегда изгнанного из мира больших денег.

Молодого человека в пальто и строгом костюме, но без привычного атрибута «клерка при исполнении» – галстука, звали Станислав Ратников. Для друзей и знакомых – Стас. Для кого-то даже просто Стасик.

Размеренный ход его мыслей был внезапно нарушен, когда из дверей феешенебельного магазина вышла пожилая, но ухоженная дама, которая, безжалостно разрушая уличную гармонию, буквально выдернула Стаса из мира воспоминаний, окатив волной мучительного дежавю... Она на полтона громче, чем того требовали неписанные правила местного городского этикета, отчитывала своего спутника за какую-то нерасторопность на чистом и весьма колорит-

ном русском языке. Ощущение ирреальности, нахлынувшее при виде до боли знакомой сцены, предательски овладело сознанием Стаса, заставив на мгновение потеряться в пространстве и времени. Разумеется, в его жизни нередко случались такие же ситуации, но, пожалуй, впервые он видел подобное представление со стороны. Разум мгновенно выхватил из глубин подсознания странные воспоминания и воскресил в памяти эпизоды далекого и, как ему казалось, забытого прошлого, в котором Стасу самому доводилось быть участником таких спонтанных уличных постановок. Посторонние наблюдатели, оглянувшись на слишком громкую и непонятную речь, качали головой, предполагая, что нарушительницей векового спокойствия может быть мать провинившегося в чем-то сына, а может быть и взбалмошная покровительница нердивого любовника. В последнее в современной толерантной и погрязшей во всевозможных извращениях Европе поверить было гораздо легче, чем в то, что они наблюдают за эпизодом обычной деловой поездки строгой и властной начальницы с беспрекословным подчиненным. Добрую половину таких командировок, как хорошо помнил Стас, несмотря на их официальный статус, вместо посещения бессмысленных заседаний или бесцельных переговоров как раз занимали походы по магазинам Банхофштрассе.

На серых, геометрически правильных и от того немного скучных улочках Цюриха, которые постоянно продувались свежим ветерком, идущим со стороны озера вне зависимости от времени года, немудрено было почувствовать, как вместе с холодным воздухом в закоулки души проникает нечто, отдаленно напоминающее щемящее чувство ностальгии. Впрочем, после всего, что произошло за последние годы, воспоминания, которые пробуждались в сознании вместе с этими душевными переживаниями, трудно было назвать приятными.

Стас прошел вдоль трамвайных путей до конца улицы к небольшому скверу, разместившемуся недалеко от озера в окружении старых деревьев, укрывавших своей тенью уютные лавочки. Присев на одну из них, он оказался напротив выезда из двора роскошного отеля, в котором так любила останавливаться та, без которой эта история никогда бы не случилась. Кем она была? Искушенной мошенницей, взбалмошной сумасбродкой, жертвой собственных амбиций, алчности близких людей, чужих закулисных игр, несчастной матерью или, в конце концов, просто несчастливой, запутавшейся женщиной? Навряд ли кто-то смог бы дать на этот вопрос однозначный ответ даже сейчас, когда многие темные пятна в истории ее жизни стали известны, а то, что казалось необъяснимым, превратилось в банальные эпизоды громкой аферы.

В те годы, когда она начинала свой путь на Голгофу, выжившие в предыдущее десятилетие коммерсанты первой волны обогащения думали уже не только о сиюминутной наживе, но стремились превратить средства, полученные откровенно криминальным или весьма сомнительным путем, в настоящий капитал. В деньги с хорошей историей, которой у них никогда не было и быть не могло. Пределом мечтаний любого студента той поры, заставшего и голодные последние советские годы, и шоковую терапию первых лет «демократии», был диплом экономиста или юриста, который, как казалось, открывает двери в мир достатка и превращается если и не в лопату, то уж точно в совок, которым можно будет грести деньги, занимая должности во всевозможных ООО и ЗАО. Стас никогда не утруждал себя муками выбора будущей профессии и без раздумий по примеру родителей выбрал стезю экономиста. Проблем с поступлением в престижный вуз не предвиделось – умение воспринимать учебу как работу и добиваться цели всегда было его отличительной способностью. Правда, в те годы этот набор качеств еще не гарантировал поступления, но, к счастью, деканом одного из престижных экономических факультетов страны оказался старый институтский приятель отца. А это уже было весомой заявкой на возможность получения отсрочки от армии настоящей и пополнение армии студенческой. Так что выбор был очевиден – так было проще для всех, и Ратников, не задумываясь, пошел по заранее определенному кем-то пути.

Конечно, даже среди его знакомых и одноклассников были те, кто грезил о чем-то другом, но, по правде, ни будущих учителей, ни медиков, ни инженеров Стас не знал. Но часто встречался с особой группой сверстников. Тех, которые, оценив происходящее в стране, еще со студенческой скамьи стремились оказаться в совершенной иной экономической роли, чтобы, примерив на себя погоны и фуражки, строго следить, как бы их товарищи не заработали лишнего. Ну, или, на худой конец, не забыли отдать часть того, что заработали, нужным, хорошим и очень уважаемым людям. Временами, уже будучи студентом, Ратников, глядя на самодовольных и состоятельных выпускников кафедры налоговой полиции, задумывался, а не переметнуться ли и ему в их лагерь? Но это было сложно, требовало дополнительных усилий, изменения удачно сострепанных жизненных планов, так что от этой идеи он быстро отмахнулся, даже не успев всерьез о ней поразмыслить.

Стас не думал и о том, в какую область полуразрушенной экономики податься, предпочитая спокойно плыть по течению от семестра к семестру. Он уже тогда знал, что особую роль на фронтах бескомпромиссной борьбы за денежные знаки играло тогда еще едва народившееся и уже чуть было не погибшее под завалами кризиса 1998 года, но отныне более стойкое и гордое племя банкиров. Вечные посредники, которые даже не подозревали, что многим из них уготована роль мифического Харона, который так же когда-то препровождал своих клиентов, уплативших навлон, к неминуемому забвению и небытию.

Это был уникальный мир, который много лет жил своей странной жизнью, где тысячами различных «строй», «пром», «торг» и прочих «экономов» заправляли колоритные и неповторимые персонажи. Правда, вскоре выяснилось, что, в отличие от мрачного греческого старика, большинству из них тоже суждено закончить путь и вслед за пассажирами сойти со своих лодок, весьма комфортабельных и дорогостоящих, на конечной остановке, с которой нет возврата.

Но тогда, в начале «нулевых», когда никто даже не догадывался, что у этого времени будет такое странное числовое название, все еще были полны сил, планов и мыслей о будущем. В конце концов, ведь именно они жили в том самом двадцать первом веке, о котором так мечтали и о котором любили читать в фантастических книгах. Вот только с теми историями, которые когда-то потрясали детское воображение, этот новый дивный мир имел мало общего.

Стас с фотографической точностью вспомнил, как в начале столетия сидел в кафе с отцом и его старым приятелем, который уже третий десяток лет прозябал в кресле руководителя одной из оставшихся с советской поры внешнеторговых контор. В те времена эти осколки плановой экономики еще выглядели пережитками прошлого, которые вот-вот канут в небытие. Кто бы мог подумать, что спустя много лет именно они вырвутся на первые позиции в экономике страны, озолотив своих преданных сотрудников за годы томительного и праздного ожидания лучших времен, которых они, по большому счету, уже и не надеялись увидеть. Оставшиеся на своих местах категорически не могли и не хотели что-то менять в давно устоявшейся жизни, за что и были щедро, хоть и не по заслугам, вознаграждены судьбой. Товарищ Ратникова-отца этого и не скрывал.

— Ты знаешь, старик, у нас все консервативно. Вы привыкли к динамике, а мы живем по строгому распорядку. Да и воровать у нас негде — все в трубе. Я имею в виду, в хорошем смысле... Все официально. Так что я могу взять Стаса в отдел ценообразования, но золотых гор не обещаю. Давай я лучше познакомлю вас с одной дамой. Она хозяйка маленького банка, но тетка ушлая, мы с ней пережили девяносто восьмой год. Связи у нее большие. Пообщайтесь, все-таки за частными банками будущее.

Николай Петрович Полупанов, а именно так звали бывшего коллегу отца, который так и не оставил свою полугосударственную должность даже в эпоху разгула демократии, не догадывался, насколько ошибался в тот момент, когда почти не скрывал зависти к тем, кому, по его мнению, принадлежало будущее.

Тем не менее, послушавшись его советов, семейство Ратниковых согласилось на встречу. Ранним февральским вечером они прибыли в ресторан с видом на Храм Христа Спасителя для знакомства с некой Галиной Борисовной, хозяйкой того самого банка. В ту пору Стас еще был студентом, а его отец уже испытывал определенные трудности, поскольку накопленные деньги заканчивались, а новых источников дохода, а главное – свежих идей по их поиску, у него уже не было. Поэтому они благоразумно перекусили дома, а в ресторане заказали только кофе. Николай Петрович, насколько его помнил Ратников-старший, был всегда довольно прижимист и даже в своем нынешнем положении навряд ли угостит их ужином. Тем более что никакой личной выгоды от трудоустройства сына старого приятеля он не преследовал. С его стороны это был скорее жест снисходительности и возможность потешить собственное самолюбие. В такой ситуации не оплатить общий счет означало бы для Ратникова необходимость расписаться перед бывшим другом в финансовой несостоятельности. А ведь совсем недавно жена Полупанова чуть ли не умоляла облагодетельствовать их семью и убедить мужа перейти на работу из «загнивающей совковой конторы» в процветающую фирму Ратникова. От процветания теперь не осталось и следа, но признать этот факт не позволяла гордость. К слову, это было не единственное в его жизни, что она так и не позволила сделать.

Их столик располагался у окна, поэтому, не имея никакого желания следить за скучной беседой двух когда-то близких товарищей, чья дружба, как показало время, зиждилась только лишь на давно исчезнувшей общности деловых интересов, Стас бесцельно следил за подъезжающими машинами. Полупанов хвастался охотничьими подвигами и новым увлечением спортивными автомобилями, а Ратников как мог делал вид, что рад за товарища, вспоминал какие-то давние и совсем не интересные собеседнику истории его прошлых проколов, но в основном просто помалкивал. Когда-то и он хвастался перед другом достижениями, но все они давно оказались на свалке или гнили в гараже.

Галина Борисовна опаздывала, но, по правде сказать, Стас не расстроился бы, если бы она не приехала совсем. Когда тебе двадцать один, ты только что закончил последний семестр и спустя пятнадцать лет жизни по школьному и институтскому расписанию мартовская оттепель наконец пьянит ожиданием свободы, последнее, о чем хочется думать, – будущая работа и карьера.

Тем временем к кафе подъехала неприметная вишневая «девятка» с наглухо тонированными стеклами.

Стас немало удивился, когда, глядя сквозь окно ресторана на с трудом вышедшую из машины невысокую женщину средних лет, Николай Петрович, почувствовав долгожданное избавление от необходимости вести надуманные и ненужные беседы, радостно воскликнул:

– А вот и Галочка!

Женщина вошла в кафе в сопровождении крепкого молодого человека, в выражении лица и бегающем взгляде которого безошибочно угадывалась его основная профессия.

– Ой, Николай Петрович, вы уж простите. Здравствуйте, – последнее слово, обращаясь уже ко всем присутствующим, она произнесла странным заискивающим тоном с неожиданными и неуместными нотками страдания в голосе.

– Что-то вы не на «мерседесе», Галина Борисовна?

– Да представляете, неделю назад угнали. И как угнали-то – выбросили водителя на светофоре и уехали. Хорошо еще, не убили никого. Да что вы! – потенциальная начальница махнула рукой. Она произвела на Стаса странное впечатление, и тот поймал себя на мысли, что представлять ее в «девятке» гораздо проще, чем в «мерседесе», о котором вроде бы шла речь. – Теперь вот жду новый, а Алик настоял, чтобы охранника взяла, – женщина кивнула в сторону своего спутника, который торопливо покидал ресторан с ее пальто. – Меня-то что охранять – машину жалко.

В последовавшей далее беседе участие Ратникова-младшего было весьма и весьма умеренным. Отец с Николаем Петровичем наперебой и несмешно шутили исключительно для того, чтобы скрыть некую неловкость положения, а не потому, что хотели очаровать собеседницу. Да и представить себе, кому бы этого могло хотеться, Стас, как ни старался, не мог. Галина Борисовна же ничуть не смущалась и задала ему несколько показавшихся нелепыми вопросов про образование, тягу к выпивке и карьерные устремления.

– Да я, между прочим, на Нью-Йоркской фондовой бирже была, еще когда в Станкоимпорте работала. Да что вы... – Она снова махнула рукой. – На практику я вас точно возьму. А вот насчет работы вы приходите в понедельник, молодой человек. С вами поговорит наш начальник управления, он из отпуска возвращается как раз. Его зовут Мирза, – обратилась она к Стасу, но, кажется лишь для того, чтобы подвести разговор к действительно интересовавшей ее все это время теме. – Николай Петрович, ну вы денюжек-то не забудьте прислать в конце недели?! Конец квартала, вы же понимаете. Нормативы!

До этого момента Стас слышал что-то только о нормативах ГТО, но по тому, как женщина молитвенно сложила руки и с наигранной преданностью кротко посмотрела на Николая Петровича, понял, что речь идет о чем-то очень важном. В этом взгляде было все – и мольба, и алчность, и, наконец, сокровенное знание того, почему, во-первых, работу Стас все же получит, а во-вторых – почему отцовский товарищ столько лет остается верен своему креслу в той самой заштатной полугосударственной конторе. Деньги стоят денег. Особенно, если они чужие и почти бесхозные.

Ратниковы ехали домой на старом «мерседесе», который когда-то, почти восемь лет назад, казался Стасу символом новой жизни. К чему еще можно было стремиться? Чего еще можно хотеть, когда совсем недавно ты был простым постсоветским школьником, радовался, что наконец-то с негласного благословения новой власти учителя разрешили снять пионерский галстук, который, по правде говоря, и не был никаким свидетельством несвободы, а только лишь раздражал необходимостью кое-как завязывать замысловатый узел после урока физкультуры. Как и для всей страны, для одноклассников Ратникова-младшего это эфемерное ощущение так и непонятой свободы обернулось гуманитарной катастрофой и вылилось в гуманитарную же помощь в виде сухого молока и прочей второсортной гадости от соперничающих сверстников из Канады и Америки. Стас волею судьбы и благодаря стараниям отца этот период жизни вспоминал без содрогания, грустя лишь о том, что мечтам и надеждам тех лет не суждено было сбыться. Тот самый «мерседес», телевизор с большой диагональю (и чем она была больше, тем весомее казалась роль телевизора в олицетворении благополучия семьи) и, конечно же, первый компьютер PC AT 286 в комплекте с приставкой SEGA MEGAdrive II – все это в сознании подростка являлось неоспоримой, но обманчивой гарантией безбедного существования и верными признаками того, что жизнь идет так, как надо. И, что важнее, так и будет идти: телевизор, видимо, скоро должен занять всю стену, игры на компьютере всегда будут лучше, чем у соседа, а «мерседес» – мощнее всех остальных машин на дороге. Но все это обязательно будет в будущем. Сейчас же, пока одноклассники с радостью тащили из школы пакеты с гуманитарным сухим молоком, Стас мог небрежно отказываться от капиталистических подачек, прекрасно зная, что дома его дожидается целая коробка не менее капиталистического, но гораздо более вкусного Snikers, который после нескольких месяцев ежедневного употребления почему-то стал подозрительно похожим по вкусу на столь ненавистную с раннего детства овсяную кашу.

К сожалению, как это часто бывает, реалии оказались далеки от иллюзорных фантазий мальчишки, размышлявшего о том, чего еще не хватает семье, чтобы окончательно утвердиться в статусе буржуа, которых в то время с чьей-то легкой руки называли «новыми русскими». «Мерседес» начал гнить и барахлить, телевизионная громадина с выпуклым экраном на фоне утонченных во всех смыслах современных аналогов смотрелась скорее постыдным

приветом из прошлого, чем воплощением достатка, а суровый, но справедливый закон Мура отправил и 286-й компьютер, и «сегу» на задворки цивилизации, а еще точнее – на обычную свалку. Оказалось, что все эти недолговечные ценности очень быстро девальвируются, а вожделенное сытое будущее на деле обернулось возвратом к забытому с перестроечных времен голодному ощущению надвигающейся катастрофы. Только теперь уже не было бывшего пионера, верившего, что, если у друга неожиданно появится мощный компьютер, отец принесет ему новый, еще мощнее. А лучше, если привезет его на новом «мерседесе». Был завидующий сокурсникам, неуверенный в себе и завтрашнем дне, жаждущий поскорее вырваться из безнадежной скуки существования на окраине Москвы юноша, потихоньку смирившийся с необходимостью рассчитывать только на самого себя. Но эта встреча, состоявшаяся в кафе, никак не походила на судьбоносный поворотный момент, после которого жизнь вновь сделает крутой вираж и стремительно понесется в сторону успеха и процветания.

Ратниковы наконец приехали в унылый район Москвы, который каких-то полвека назад был пригородной деревней и который в те дни, благодаря обилию навсегда сгинувших предприятий эпохи социализма, было сложно назвать спальным. Он был постиндустриальным, то есть бедным и депрессивным. Тем не менее, по стойкому и часто повторявшемуся вслух убеждению отца Стаса, так и не решившегося когда-то купить новую квартиру, чтобы не создавать себе лишних проблем с переездом, приобретением новой мебели и прочей ненужной суетой, обладал важным географическим преимуществом, находясь ближе всего к стенам Кремля среди московских окраин. Других достоинств у бывшей деревни даже вынужденный патриот района Ратников-старший найти не мог.

– Надо идти, – открывая дежурную банку пива, заключил отец. – Кто знает, что у них там получится. Баба она, видно, ушлая, но за ней точно кто-то стоит. Не сама же она себе банк сделала. – В последние годы у него прогрессировало скептическое отношение к любым достижениям окружающих, за которыми непременно мерещилась рука всесильного покровителя, так и не протянутая когда-то его собственному бизнесу. – Да и с конторой Полупанова у них явно какие-то свои дела. Глядишь, удастся как-то пристроиться.

Не будучи игроком в классическом и трагичном понимании этого термина, Ратников-старший по прошествии нескольких лет после того, как зачах бизнес, приносивший в девятые годы все описанные выше небольшие блага, все больше и больше уповал только на улыбку Фортуны, благодаря которой все проблемы можно будет решить одним махом: удачным знакомством, сверхприбыльной сделкой, невероятным трудоустройством. Словом, он остро нуждался в своих трех картах, вот только, в отличие от Германа, не искал их, а неторопливо ждал. Но надежды на чудо, и без того призрачные, по прошествии каждого нового года прозябания в меланхоличном ожидании становились откровенно несбыточными. Со временем ему, конечно, все же пришлось признать очевидное и, причитая о потерянном времени и несправедливости таинственных сил, возложить почетное право на резкий прорыв к вершинам уже на наследника и его собственные карьерные перспективы.

Стас, который случившейся встречей был не очень-то вдохновлен, понимающе покачал головой, хотя никаких особых иллюзий с новой знакомой и потенциальной работодателем не связывал. Он, как вчерашний мальчишка, все еще верил в те самые «новый „мерседес“ и новый компьютер», на которые, восстав из профессионального небытия, родитель обязательно заработает и для себя, и для него, наконец найдя самый главный проект или самую главную работу в своей жизни. Осознание беспочвенности этих ожиданий придет к нему немного позже.

Пока же выбора у него не оставалось, тем более что необходимости проходить преддипломную практику никто не отменял, а это было самое простое решение задачи. Так, в начале марта, когда скорее ощущаешь суровое дуновение еще не вполне осознавших свою календарную смерть зимних ветров, чем наслаждаешься растворенным в воздухе чуть теплым арома-

том приближающейся весны, Ратников-младший впервые в жизни направился на вероятное место постоянной работы. В конце концов, всегда можно уволиться, если подвернется что-то действительно стоящее.

– Привет! – Из замызанного кресла навстречу ему поднялся улыбчивый смуглый мужчина, который, в отличие от всех увиденных в коридоре сотрудников мужского пола, почему-то был без галстука.

– Здравствуйте. – Стас был немного смущен, когда узнал, что идет на встречу к некоему человеку по имени Мирза Саджади, предполагая, что тот наверняка не очень хорошо говорит по-русски, а теперь был крайне удивлен, когда понял, что его собеседник способен не просто говорить, а витиевато, с использованием разнообразных идиоматических выражений, красноречиво общаться, как самый что ни на есть коренной житель московских окраин.

Кабинет, в котором он встретился с Мирзой, очень слабо соответствовал представлениям студента о месте, где совершаются многомиллионные сделки, а информационный поток ежесекундно сметает цифры на многочисленных мониторах, окрашивая их то в зеленый, то в красный цвет, подводя промежуточные итоги очередной битвы «быков» и «медведей». По крайней мере именно такие представления о дилинговых центрах роились в голове учащихся, когда вместо скучных теоретических лекций предприимчивые энтузиасты из Молодежного центра финансовых операций наконец стали знакомить их с азами практической торговли, демонстрируя в обшарпанных залах Московской товарной биржи примитивные, но все же поражающие воображение перспективами онлайн-торговли биржевые терминалы.

Легкий, почти неуловимый запах кока-колы, смешанной с виски, царил в небольшом помещении, давая безошибочный ответ на вопрос, получит ли Стас работу и насколько серьезные испытания его здесь ожидают.

– Сейчас лонганусь и поговорим, – новый знакомый производил впечатление человека безусловно тактичного, но при этом явно не страдавшего ханжескими представлениями о формальностях и приличиях при первичном собеседовании с кандидатом.

Набрав пару загадочных комбинаций на массивной клавиатуре с интригующими разноцветными надписями I SELL, I BUY, Мирза запустил печать на каком-то архаичном матричном принтере с бумагой, похожей на телетайпную ленту, и комната мгновенно наполнилась невероятным шумом и скрежетом, которые, казалось, давно ушли в прошлое после появления струйных и лазерных технологий печати. Ожидая окончания процесса, Мирза, видимо, удостоверившись, что потенциальный сотрудник совершенно безопасен, извлек из-за монитора стакан с жидкостью, которая и источала тот самый узнаваемый «аромат» дешевого дискотечного коктейля.

– ... хочешь? – хотя первые слова фразы потонули в последних звуках принтера-динозавра, общий смысл был абсолютно понятен.

– Спасибо, мне потом к вашему президенту вроде бы сказали зайти, неудобно. – Стас вежливо отказался, хотя упомянутая встреча и была плодом его фантазии, однако быстро придумать другой повод уклониться от возлияний ему не удалось.

Направляясь на собеседование как на экзамен, он по привычке накручивал себя и ждал многочисленных проверок, тестов, серьезных вопросов и прочих подвохов. Но спустя всего несколько минут общения с Мирзой понял, что опасался напрасно, а слова той странной женщины о том, что окончательное решение можно принять только после беседы с непосредственным начальником, были ничего не значащей игрой на публику. Благодаря этому она благозвучно сохранила возможность для маневра на тот случай, если Николай Петрович не выполнит своих обещаний о размещении «денюжек».

– Ну как хочешь. Машина в сервисе, поэтому сегодня можно, – пояснил Мирза, продолжавший удивлять Стаса степенью своего обрусения, которая, несмотря на его восточную

внешность, резко бросалась в глаза благодаря манерам, привычкам и абсолютному отсутствию каких-либо намеков на акцент.

Он пожал плечами и, выпятив нижнюю губу, сделал большой смачный глоток.

– Я вообще тут один работаю после кризиса, так что ценные бумаги – это, конечно, хорошо, но в основном надо по клавишам долбить и бумажки носить. Это несложно, я покажу.

Из этих слов стало ясно, что Стас устраивал Мирзу в качестве напарника по дилингу. Оказалось, что заранее приготовленный еще ко встрече в ресторане рассказ о том, что Стас мог и хотел делать, Мирзу не просто мало заботил, а скорее совершенно не интересовал. Какая разница, если босс сказала, что человека надо взять? Лишних вопросов, как Ратников вскоре убедился на собственном примере, в этой ситуации здесь задавать было не принято. Вернее, задавать вопросы вообще было не принято.

– Через три месяца защита, но ходить на работу я могу каждый день. Потом планирую поступить в заочную аспирантуру. – Стасу всегда казалось, что эти солидные околонуучные планы существенно повышают его стоимость на рынке труда.

Правда, встречный вопрос Мирзы, который в переводе на литературный язык можно было сформулировать как «Зачем тебе это надо?», несколько поколебал уверенность Стаса в том, что в конкретном сегменте рынка труда, в котором он по воле случая оказался, кто-то вообще собирался определять его личную стоимость.

Никакой встречи с Галиной Борисовной после этого разговора так и не состоялось. Все, казалось, уже было заранее решено. Стас, еще более озадаченный, чем после эпохального ужина в ресторане с видом на Храм Христа Спасителя, побрел по коридорам будущего места работы на выход.

В тот первый визит в стены заведения с громким, почти что кричащим, названием «Банк» Стас не особенно запомнил окружавшую обстановку. Осталось только усугубленное впечатлением от «сердца любой финансовой организации», как было написано в каком-то учебнике о дилинговых центрах, ощущение того, что все увиденное сделано как-то не взаправду, понарошку. Дилинг, расположенный в невзрачном закутке. Президент... ша, слабо представляющая, о чем гласит теория Шарпа, но которая уверяет, что «была на NYSE¹». Казначей, спокойно распивающий дешевый виски и откровенно признающийся, что индекс NASDAQ ему так же безразличен, как и результаты последнего тура чемпионата России по футболу. Причем последнее обстоятельство, пожалуй, удивило Стаса больше всего.

Он вышел на улицу и посмотрел на обшарпанные стены здания, с крыши которого падали капли, предвещавшие наступление весенней оттепели. Организация, именовавшая себя кредитной, расположилась в сооружении, построенном еще во времена застоя и в каком-то смысле архитектурную форму этого застоя и олицетворявшем.

Стас откровенно признался себе, что не таким он представлял будущее место работы, но отказываться, не имея настоящей альтернативы, было как-то неудобно и даже немного стыдно. Поживем – увидим. Поэтому он предпочел продолжать верить в лучшее будущее и не особенно сомневался в решении, когда на следующий день ему позвонили и незнакомый голос не очень приветливой женщины из отдела кадров предложил выйти на работу уже с ближайшего понедельника.

– Не забудьте дипломы и паспорт! До свиданья! – ответа она уже не ждала, бросив трубку, едва Стас успел открыть рот.

Надев оставшийся от старых времен пиджак и брюки, а также являвшийся предметом его особой гордости галстук Versace, купленный еще по случаю выпускного бала, Стас, заинтригованный и воодушевленный, направился на первое место работы. Причем заинтригован он был главным образом тем, что ожидал, наконец, узнать размер компенсации, которая ему

¹ NYSE – Нью-Йоркская фондовая биржа (New York Stock Exchange).

причитается за возможный скромный вклад в дело процветания и развития банка, название которого многие вроде бы где-то слышали, но ничего о нем не знали. До этого момента, реально оценивая свои ограниченные возможности, данный вопрос он озвучить просто стеснялся, а его собеседники, видимо, не считали нужным вдаваться в такие малозначимые детали. Подумай – зарплата!

Кстати, деньги «на конец квартала» Николай Петрович в тот раз так и не прислал.

Часть 1

Первые годы

Ты помнишь, как все начиналось

Рассказ об этой части истории требует на время покинуть героя в еще незнакомых ему стенах банка. Все происходило до его появления там и на глазах у совсем других людей. В закоулках памяти Стаса сохранились лишь многократно услышанные, но посторонние интерпретации событий первых лет жизни организации. В основном восторженные рассказы о былых временах, когда все только начиналось, произносились в форме тостов на разнообразных корпоративных мероприятиях, которые со временем эволюционировали от почти семейных посиделок на кухне до масштабных эстрадных постановок, которым могли бы позавидовать многие провинциальные центры.

Правда, обстоятельства некоторых более поздних сюжетов из жизни банка были также неведомы Стасу. Поэтому на авансцену повествования порой придется выходить образам и событиям, часть из которых прозябала в недрах чужой памяти, а другие являлись плодом чьей-то бурной фантазии или возникли из фактов, вытащенных откуда-то из-под полы вечно все знающими журналистами. Последние особенно преуспели в мифотворчестве, когда ажиотаж вокруг необычной истории банка был особенно широким. Деньги любят тишину, а газетчики – громкие скандалы, не брезгуя при этом прибегать к услугам богатого профессионального воображения. Что из рассказанного правда, а что ложь, где миф, а где реальность, со временем забыли и многие главные герои, прожившие жизнь в неустанных попытках сотворить привлекательную иллюзию. Иллюзию бизнеса, иллюзию достатка, иллюзию респектабельности, иллюзию самой жизни.

Бытие

На дворе был 1995 год.

В просторной комнате царила атмосфера коммунальной квартиры. Несколько женщин занимались канцелярской работой, прошивая и склеивая многочисленные пачки бумаг, формируя папки и штампуя разнообразные бланки. Несколько компьютеров светились приглушенным синим светом: на одном из них секретарь Наташа, молодая молчаливая девушка с простым и открытым лицом, которое, однако, легко забывалось спустя несколько мгновений после знакомства, набирала в импортозамещающем редакторе «Лексикон» текст очередного приказа, а вокруг другого сустились двое молодых мужчин, самозабвенно расстреливая нацистов в лабиринтах Doom.

– Давай, давай, Леха, вон он! – Один из игравших, с библейским именем Давид, черно-волосый, одетый по последней моде, имел восточную внешность и мог легко сойти за своего как среди выходцев из Закавказья, так и среди жителей Лазурного берега, чьи корни теряются в глубине богатого колониального прошлого Французской Республики.

– Погоди, бляха-муха, – второй игрок, Алексей Жарков, был похож на типичного младшего научного сотрудника одного из бесчисленных НИИ, еще встречавшихся в таких же зданиях по всей стране, являя своим унылым и потрепанным видом немой укор современному разгулу дикой рыночной системы со стороны остатков былого величия научной мысли Союза.

Впрочем, бедственное положение науки в России того времени имело к Алексею весьма опосредованное отношение. Несмотря на внешний вид и инфантильное поведение гения-аутиста, он был вопиюще равнодушен не только к академическим знаниям как таковым, но и к их формальному подтверждению в виде диплома, наличие которого в те годы хоть и не гарантировало достойного заработка, но по старой традиции все еще требовалось при приеме на работу. Галина Борисовна в этом вопросе была так же консервативна и непреклонна, как и большинство работодателей. Но в случае с Жарковым ее принципиальность оказалась не такой уж неизбежной. Было ли это связано с жалостью и почти материнской заботой о нерадивом сыне уважаемых родителей, бывших заслуженных работников советской промышленности и разведки, или же причины были более прозаичными, теперь можно только гадать. Очевидно лишь то, что с годами шансы Алексея, так и застрявшего в оковах детской непосредственности, найти новое место работы неминуемо таяли, а его преданность и зависимость от благотельницы безусловно многократно умножались и крепились. Несмотря на демонстративную наивность, он это прекрасно понимал и платил ей взаимностью.

Но сценарий его роли в драматичной пьесе об истории банка еще предстояло написать. Пока же в комнате, в которой совсем недавно трудились лучшие умы советской геологической науки, за ее создание принимались те, кого Галина Борисовна полгода назад собрала в своей квартире на Ленинградском проспекте и предложила окунуться в бурлящие потоки коммерциализации, отринув государственное прошлое и став прародителями нового банка. Конечно, ее методы мотивации коллег состояли из куда более приземленных фраз и аргументов, выражавшихся по большей части в денежном эквиваленте.

Сами слова «банк» и «банкиры» неумолимо влекли собравшихся запретным шармом, который все советские дети навсегда запоминали из историй про буржуинов и мистеров твистеров. Казалось, что сейчас, когда все можно и прежние запреты пали, любой из них, даже рядовой бухгалтер или оператор ЭВМ забытой богом внешнеторговой конторы бывшего союзного министерства, сможет стать владельцем если уж не газет и пароходов, то хотя бы собственного особняка. Или хотя бы дачи, совсем необязательно расположенной в районе тогда еще совсем неодиозного Рублевского шоссе. Сойдет и Киевское. Неплохо было бы прикупить на конвертную зарплату еще и какой-нибудь лимузин для поездок на «фазенду». Хотя мно-

гих бы устроила и вишневая «девятка», а что касается Лехи Жаркова, так тот вообще беззаветно мечтал о новом и последнем чуде гениев инженерной мысли с АЗЛК – непритязательном «москвичонке».

Именно поэтому Галине Борисовне, в отличие от своего литературного предтечи, материализованного фантазией Ильфа и Петрова, не пришлось слишком долго живописать перспективы предприятия, чтобы «бриллиантовый дым» наполнил своим сиянием воздух просторной квартиры в добротном сталинском доме, построенном для военных летчиков. К слову, ее родители не имели к военно-воздушным силам ровным счетом никакого отношения.

– Танюш, проходи, присаживайся!

– Спасибо, Галь! Как у вас тут красиво-о, – одна из женщин вошла в гостиную и увлеченно рассматривала традиционные для советского быта символы достатка, щедро расставленные по полкам гдээрдовского серванта и румынских шкафов.

Рядом с золочеными тарелками, серебряными блюдами и подписными изданиями за стеклами стояли и многочисленные фотографические напоминания о детстве Гали и ее брата, молодости других родственников и друзей семьи. Вот только ни одного изображения мужчины, который мог бы быть их отцом, Татьяна так и не нашла.

За богато сервированным столом с трудом уместились все коллеги Галины Борисовны, к которым она собиралась обратиться с пламенной речью по поводу грандиозной затеи, инициатором которой выступал ее брат. Все собравшиеся работали друг с другом много лет в полугосударственных финансовых организациях и с недавних пор могли с полным правом считаться первым поколением постсоветских банкиров. Конечно, они были всего лишь заурядными клерками и понятия не имели, как должна работать частная кредитная организация, чтобы выжить в конкурентной борьбе, но других специалистов на примете у Галины Борисовны все равно не было. Ей нужны были не творцы, а исполнители. Генерацией идей она займется сама. Да и самое важное достоинство будущего коллектива заключалось не только и не столько в редких профессиональных знаниях, сколько в подходящих ей человеческих качествах будущих подчиненных. Она могла им доверять, а все остальное в ее понимании принципов работы организации было вторично. В конце концов, всю свою жизнь она трудилась в тех местах, где главенствовали план и соблюдение правил, а инициативы была лишним и мешающим карьере атрибутом чуждой капиталистической жизни. Только теперь место всезнающего Госплана и вышестоящего министерства планировала занять она сама.

– Деньги у нас есть, можете не переживать, товарищи, а клиентов соберем. Связей предостаточно. Союзвнештранс, например, с удовольствием с нами работать будет. Всяко лучше, чем с этим козлом. Да, Танюш?

– Конечно-конечно. А кто учредители?

Галина Борисовна слегка замялась, но, покачав головой, словно размышляя, не слишком ли опасна эта информация для собравшихся, решила все же пояснить.

– Не буду скрывать, что часть денег – средства нашей семьи. То, что осталось от папки, Царствие ему небесное. А остальное... – перекрестившись, она развела руки и посмотрела наверх. – Могу сказать, что это очень серьезные, но надежные люди. В беде нас не бросят.

– Ага... – Татьяна в задумчивости сжала губы, но, кажется, ответом вполне удовлетворилась.

– Сразу, говорю, работы будет много, но и компенсацию я обещаю солидную.

Уже через пару часов своеобразное учредительное собрание в гостиной было закончено. На нем присутствовало всего шесть человек, которым предстояло выполнить судьбоносную задачу, выступая одновременно и в качестве пехотинцев, брошенных на бюрократическую амбразуру амбициозного проекта, и в роли генералов, вокруг которых постепенно будет создаваться новый коллектив сослуживцев. Бухгалтеры, специалисты по валютным операциям, инженер-компьютерщик и секретарь Наташа на первых порах становились разнорабочими,

которые должны были закрывать все незаполненные вакансии, параллельно подыскивая среди друзей, знакомых и родственников подходящие кандидатуры на роль будущих коллег.

Но это будет чуть позже, а в тот вечер они, воодушевленные внезапно открывавшимися перспективами, покидали гостеприимную квартиру, в которую до и после них не раз заходили известные в самых разных кругах московской элиты персонажи: от модных артистов и чиновников до вездесущих бандитов и предприимчивых дельцов новой экономики.

Правда, в этот раз в нее вошел персонаж мало кому в ту пору знакомый.

Как и у многих восточных мужчин, его возраст было сложно определить с первого взгляда. Ему с равным успехом могло быть и тридцать, и даже пятьдесят лет, при этом в таком неизменном, законсервированном виде он мог пребывать уже долгие годы, едва ли не со школьной скамьи. Вошедший был внешне очень похож на Галину, что, впрочем, не делало комплимента ни одному из них. В тот памятный год он на самом деле благополучно пересек тридцатилетний рубеж и активно трудился на многочисленных полях экономической жизни страны, так щедро после распада Союза раскинувших свои просторы перед авантюристами всех мастей: от мелких жуликов до воров государственного масштаба. В этой иерархии деловых людей, как они сами себя называли, он находился пока что на неопределенной промежуточной позиции, но всеми силами стремился выйти на федеральный уровень, а там уж, чем черт не шутит, и на мировой. Тем более что Россия, как место жительства и дом для его будущих детей, его никогда не прельщала. Видимо, восточные солнцелюбивые гены из всех сил сопротивлялись местному неласковому климату.

– Ну что, договорились? – он небрежно выбросил руку с массивными золотыми часами на запястье в сторону лежавшей на столе тарелки с карбонатом.

– Не ешь руками, Алик, это неприлично, – Галина, которая была немногим старше вошедшего, резко выдернула тарелку из-под его руки. В ответ он лишь пренебрежительно ухмыльнулся, прищурив узко посаженные черные глаза.

– Да брось ты, надо торопиться. Я обо всем договорился. Дальше дело за вами – документы-шмокументы, лицензии. Как мамка?

– Поторопимся, не переживай. Плохо мамка, как ты сам думаешь?

И они торопились. Энтузиазм бывших советских служащих активно подогревался конвертами, в которых каким-то нездешним пленительным звуком хрустели заморские купюры. Заработная плата, по меркам нового коллектива, была баснословной.

И Галина торопилась. За пару недель ей пришлось объехать несколько солидных организаций с приличным прошлым и амбициозными планами на будущее, руководители которых еще с перестроечных времен не отличались излишней инициативностью, но с радостью готовы были поддержать перспективную идею ради возможной доли в будущих доходах.

Галина Борисовна обладала массой человеческих и профессиональных достоинств и, каким бы странным это ни показалось многим из тех, с кем ей довелось встречаться много позже, – знаний. Галина действительно побывала на Нью-Йоркской бирже, хотя никакого практического толка в этом и не было, но давний визит настолько ярко запечатлелся в ее памяти, что Манхэттен на долгие годы станет для нее внутренним символом достатка и респектабельности, куда она неизменно стремилась попасть вновь и вновь. К тому же этот уголок планеты был гораздо дальше от родных берегов, чем Европа, а наступивший в ту пору период романтических отношений между юной и старой демократиями, как подсказывала ей безотказная интуиция, все равно продлится относительно недолго. Годы работы во внешнеэкономической фирме дали ей массу навыков, информации и, конечно же, связей. Предприимчивые и не очень, бывшие сотрудники и руководители различных контор в этот период разлетались по новым креслам и кабинетам. Кому-то было суждено стать управленцем нового формата, кто-то с напускной гордостью был рад услышать в свой адрес эпитет «красный директор», кто-то же так удачно обходился без официальных должностей, что превращался в объект охоты менедже-

ров по работе с VIP-клиентами. Последние были особо вожаделенной целью Галины, поскольку очень не любили, чтобы кто-то, порой даже они сами, точно знал, сколько, где и в какой валюте у них припрятано на черный день.

Ее главный талант заключался в умении дружить со всеми этими людьми.

С кем-то надо было прикинуться сиротой, которой легче подать, чем прогнать. Кому-то надо спеть хвалебные дифирамбы и многозначительно, так чтобы после встречи никто не понял, кто кому и чем на самом деле обязан, намекнуть на обширные связи и возможности сообщить о нуждах собеседника «кому следует». Некоторым можно было заморочить голову рассказами о совершенно нелепых историях и персонажах, так что несчастный вскоре свято верил в то, что, если человека при должности и связях интересует такой бред, значит, у него на самом деле все настолько хорошо, что мирские заботы его попросту не волнуют, а значит, с ним точно можно иметь дело.

Ее мозг работал, как бесперебойный конвейер, который рассортировывал разных персонажей по отдельным полкам воображаемого шкафа приоритетов. Люди могли оказаться в нем даже после мимолетного знакомства, но стоило им привлечь внимание Галины Борисовны – и уже не суждено было покинуть эти «ящики» нужных людей, устроенные в ее голове.

Другим ее талантом была уникальная способность создавать видимость. Придавать значимость словам, делам, вещам и поступкам, за которыми порой не стояло вообще ничего, кроме ее плодотворной и эффективной фантазии. Она мастерски оставляла собеседнику возможность самому домыслить устраивающее его объяснение своих достижений, успехов и самостоятельно нарисовать перспективы дальнейшего обогащения в компании с новоявленной банкиршей. После подобных встреч желанная жертва была с легкостью готова присоединиться к проекту, о котором ему как бы невзначай, полупонамеком, она рассказывала, не делая, по сути, никаких конкретных предложений. Так что в случае какой-либо неудачи, о которой Галина, впрочем, и не собиралась даже думать, предъявить ей претензии было практически невозможно. «Невиноватая я! Он сам пришел!»

– Поверьте, ну зачем мне вам врать. Правда! – этот классический набор аргументов, который ярче, чем любые психологические тесты, дает понять, что вам только что серьезно наврали, услышали практически все будущие участники нового кредитного предприятия, к которым Галина наведывалась с одним и тем же предложением.

– Звучит, конечно, интересно, но мы подотчетная организация. У нас есть регламент. В министерстве потребуют обоснование, да и не только... – Константин Николаевич Щеголев уже давно не мечтал о должности заместителя союзного министра, сосредоточившись на предельно меркантильных задачах, но все равно старательно соблюдал все старорежимные правила субординации. Сейчас он подсознательно чувствовал, что дело может быть перспективным.

– Константин Николаевич, миленький, да вы поймите, от вас и надо-то всего-навсего тысяч сто долларов, и при этом в рублях! А я вам... – окончание фразы превратилось в краткую пантомиму, смысл которой было легко угадать по движению всего лишь двух пальцев правой руки.

– Угу, – директор внешнеэкономической организации «Газнефтеэкспорт» обошелся в своем ответе на столь деликатное предложение без слов.

Одновременным движением бровей и уголков губ он дал понять, что с аргументами Галины Борисовны, особенно столь броско выраженными на языке жестов, спорить не готов.

Вот уже тридцать лет его контора занималась поставкой разнообразных продуктов переработки нефти и газа в страны, где «старшего брата» в благодарность за эту благотворительную торговлю усиленно уверяли во взаимном стремлении шагать по дороге к новым достижениям коммунизма. Организация была неприметной, но могла направлять своих сотрудников в заграничные командировки и распоряжаться валютной выручкой. Со временем эта незаметность

стала важным фактором роста благосостояния руководства, которое, отринув былые принципы социалистического хозяйствования, смело бросило собственные карьерные амбиции в жернова новых рыночных механизмов обогащения. И весьма в этом преуспело.

Когда Галина Борисовна выходила из старого здания, затерявшегося на маленьких улочках Замоскворечья, перед ней остановился незнакомый автомобиль серебристого цвета. Галина, вспомнив о том, что совсем недавно произошло с ее отцом, отпрянула и, инстинктивно прикрывшись сумочкой, в испуге уставилась на тонированные стекла.

– Не волнуйтесь, мамаша, – опутив стекло, Алик беззаботно расхохотался. – Присаживайся.

Галина пригнулась, чтобы разглядеть, кто сидит за рулем новой машины.

– Ну-ка, немедленно выйди оттуда! Алик, ты с ума сошел, я убью тебя, у него же прав нет! Немедленно, я сказала, ты не понял?

За рулем сидел ее сын, которому едва исполнилось восемнадцать лет, и, хотя прав у него, конечно, не было, машину он водить все же умел, а соглашаться с матерью не привык. Вот и на этот раз, громко возмущаясь и насупив брови, женщина села на заднее сиденье, прекрасно понимая, что в споре с братом и тем более с сыном она заведомо находится в безнадежной и проигрышной ситуации.

– Слушай, хватит шуметь, – слегка шепелявя, Алик пренебрежительно поднял руку, отмахиваясь от причитаний сестры, и сощурился. – Расскажи лучше, как прошло?

– Как дам по башке, – Галина замахнулась на брата, прекрасно зная, как и он сам, что никакой угрозы этот жест не несет. – Нормально прошло. Все согласились. На следующей неделе подпишем учредительный договор, и можно подавать на лицензию. Кстати, с директором радиозавода, который адрес свой дал для регистрации, я на всякий случай отдельно поговорила. Они тоже войдут деньгами.

– Класс! – Алик снова зажмурился, как довольный мартовский кот, нашедший бесхозную банку сметаны. – Как ты его уболтала?

– Никак. Намекнула, что другие учредители у нас ого-го, ну и дальше сам понимаешь... – она заговорщицки подняла указательный палец в направлении неопределенного объекта наверху, что впоследствии на протяжении многих лет будет удачно символизировать полубожественное присутствие в жизни банка чего-то или кого-то, что или кого называть вслух никак нельзя.

Очередная созданная Галиной иллюзия многократно и бесперебойно давала положительный результат. Любой солидный банк нуждался в доверии к учредителям. Собрать нужные суммы от компаний с именем было непросто, да и не нужно. От них были нужны эти самые имена. Фундамент будущей респектабельности.

Необходимые деньги у семьи были и без них, но присутствие в капитале безликих ООО и ТОО наверняка вызывало бы сомнения в происхождении средств даже в те лихие и безответственные времена. В этой ситуации и настало время прибегнуть к излюбленному приему создания воздушных иллюзий – отвечая на вопросы осторожных руководителей о потенциальных партнерах, она пространно ссылалась на тех, кто уже согласился или вроде бы собирается войти в капитал, при этом не называя их имен, но намекая на высокие посты и должности. По понятным причинам, говорила она, не вдаваясь в детали, в подобной ситуации собственные деньги таинственным учредителям пришлось заводить окольными путями, спрятав доли за ширмами непонятных фирм-пустышек. Примерив эту схему на себя, большинство собеседников не только находили ее логичной, но и, исходя из имевшегося у них личного опыта, действенной.

Это было трудно назвать обманом, поскольку ничего конкретного Галина ни тогда, ни позже не говорила, лишь намекая на некие таинственные обстоятельства и фамилии, о которых потенциальная жертва могла только догадываться, но благополучно додумывала все детали

самостоятельно, незаметно загоняя саму себя в грамотно расставленные словесные и финансовые сети. В сочетании с умением тонко чувствовать слабости людей, одновременно играя на их тщеславии и жадности, а если надо, вызывая у них жалость и, увы, небескорыстное желание помочь, Галина виртуозно пользовалась этими приемами в постоянной борьбе за благополучие своего детища.

Конечно, любая женщина впитывает этот талант с молоком матери, но далеко не каждая умеет применять его по назначению. Многие бесцельно, как казалось Галине, тратят бесценный природный дар на житейское женское обаяние, призванное быть оружием на полях матримонимальных сражений. Сама она чуралась этих баталий и, получив традиции своей семьи и народа мужа почти сразу после школьной скамьи, более обаять никого не стремилась. Хотя вернее будет сказать, что она никогда не занималась этими глупостями и в отношении будущего супруга, о существовании которого многие ее знакомые иногда даже не подозревали, а она замечала лишь в редких церемониальных случаях.

Зиц-председатель

Галина прекрасно понимала, что, учитывая обстоятельства последних лет, в которые попала их семья, возглавить новый банк сама она какое-то время не сможет. Но и привлекать на эту должность человека со стороны было опасно. Более того, этот человек должен быть насколько лоялен, настолько же амбициозен, даже горделив, возможно, не слишком сообразителен, а еще лучше... некомпетентен. Размышляя над этим вопросом, она все чаще думала о сыне какого-нибудь полезного человека, который уже отчаялся найти своему отпрыску непыльное, но достойное место. На ее счастье, таких детей среди знакомых ей руководителей и чиновников было довольно много, но проблема заключалась в том, что кто-то из них был слишком молод, чем мог вызвать недоверие у клиентов, а кто-то слишком активен и, к несчастью, не только образован, но и смекалист, получив в перестроечные времена неплохой практический опыт и связи. Такому персонажу не смогла бы полностью доверять уже сама Галина.

Перебирая в картотеке своих богатых деловых контактов имена различных людей, Галина внезапно вспомнила недавний разговор с одним некогда влиятельным министерским чиновником. Вопреки стойкому убеждению большинства сограждан в том, что все праведно и не очень накопленное во времена Перестройки государство изъяло благодаря мягкой, как и сам ее автор, павловской денежной реформе и последовавшей шоковой терапии начала демократической эры, Евгений Павлович Кравцов, не занимая значимых должностей в новой экономической системе, умудрился сохранить не только внешний лоск, присущий старой социалистической элите, но и солидные сбережения. Он, как и многие, перебрался на должность заместителя директора какого-то сомнительного совместного предприятия, но ощущал себя по-старому, по-министерски, благодаря чему и его великовозрастный отпрыск мог, как и раньше, в далекие студенческие годы, не заботиться о хлебе насущном, целиком уповая на те самые неисчезнувшие в вихре рыночных преобразований накопления родителя.

Типичный сын номенклатурных работников Александр Евгеньевич Кравцов, тридцати восьми лет от роду, с гордостью нес свое громоздкое тело по потрепанным ветрами перемен коридорам Союзвнештранса, свысока поглядывая на окружающих через стекла очков в дорожной оправе. Этот надменный взгляд, за который в былые годы он нередко страдал по причине его неприятия менее рафинированными интеллигентами с крепкими кулаками, появился у него еще в школьные годы. Впоследствии ощущение превосходства над окружающими росло и развивалось в прямой зависимости от степени осознания гнетущей бесцельности собственного существования. Бурная река преобразований, несмотря на упомянутые возможности родителей, требовала все же чего-то большего, чем просто хорошие связи, которые к тому же нужно было уметь использовать совершенно незнакомым ему способом – рыночным. В том числе, к слову, и с противоположным полом, который, опьяненный новыми открывшимися возможностями валютных магазинов, искал в потенциальном партнере гораздо более интересные перспективы, чем квартира в центре и родительская дача во внешторговском поселке. Саша же сначала взрослел, по крайней мере, если верить паспорту и календарю, затем начал приближаться к возрасту, когда люди начинают стареть, но свое место в новом мире, по сути, так и не нашел. И по большому счету не искал, заняв, благодаря связям отца, сразу после института должность в казавшейся тогда еще престижной внешнеэкономической фирме, которая давно впала в летаргический сон и в экономических конвульсиях доживала свой век, так и не дотянув до времен возрождения былой мощи близких к государству организаций.

Что делать дальше, не знал ни Александр, ни его отец. Звонка последнего «куда надо» было бы еще достаточно, если бы ему нужно было, например, еще раз устроить сына в престижный институт или получить путевку в какую-нибудь дефицитную Болгарию. Но ни в институт, ни в Болгарию, переставшую быть дефицитной, Александру Евгеньевичу было не нужно.

Справедливости ради, он обладал целым рядом врожденных способностей и талантов, получил отличное образование, но, как назло, этому достойному багажу возможностей упорно мешала пробивать себе дорогу в капиталистический рай почти что аристократическая, выпестованная долгими жаркими летними вечерами на номенклатурной даче отца и уже непобедимая лень.

Все это как нельзя лучше подходило и Галине, и Алику.

– Евгений Павлович, здравствуйте, дорогой, – своим фирменным заискивающим тоном начала она телефонный разговор с бывшим чиновником, с которым шапочно познакомилась на заграничной конференции пару лет назад.

Этого мимолетного знакомства, которого большинству людей было бы недостаточно даже для того, чтобы впоследствии при новой встрече завести дежурный разговор о погоде, Галине Борисовне с лихвой хватило, чтобы периодически использовать все еще узнаваемое «Кравцов» в беседах с нужными людьми, создавая у последних впечатление их долгой и близкой дружбы. Развивать эту иллюзию Галине помогал один-единственный эпизод их знакомства на памятной конференции, который она ничтоже сумняшеся преподносила как всего лишь одну из якобы многочисленных историй их тесного общения.

Как и большинство мероприятий такого рода, что тогда, что сейчас, они использовались участниками в основном для целей, весьма далеких от повестки, заявленной организаторами этих многочисленных форумов и симпозиумов.

Во-первых, это была возможность, не тратя собственные деньги, развеяться в манящих роскошью отелей и разнообразием магазинов европейских городах. Во-вторых, туда можно было почти что официально и без риска быть застуканным прихватить с собой незаменимую в деловых (и не только или не столько) вопросах помощницу. Ну и, наконец, посещая, к примеру, гостеприимные швейцарские города, бывшие чиновники и промышленные бонзы плановой экономики не отказывали себе в возможности на деле, исключительно, как они утверждали, в познавательных целях, ознакомиться с работой столь известной своей педантичностью местной банковской системы.

В перерывах между изучением баланса собственных счетов и различными скучными экскурсиями, вырвавшись с протокольных заседаний конференции, проходившей в важнейшем торговом порте Европы Амстердаме, разношерстные группы ответственных докладчиков и их внимательных слушателей под разными благовидными предложениями стремились оказаться в популярных заведениях города, среди которых был и один театр, в котором из традиционных театральных атрибутов не было практически ничего: ни декораций, ни даже одежды на исполнителях. Да и сюжетная линия демонстрируемых здесь пьес была очевидна изначально вплоть до самого что ни на есть финала «спектакля».

Именно на выходе из этого эротического театра заблудившаяся во фривольном районе Галина Борисовна и застала делегацию во главе с Евгением Павловичем Кравцовым, которая по официальной версии отбыла на переговоры по развитию межгосударственных отношений в морской порт Амстердама. Смущенные мужчины, как будто бы их застучали не на выходе, а как минимум на сцене этого заведения, машинально поправляли одежду, словно стараясь прикрыться от по-детски открытого и радостного взгляда Галины, которую занесло в этот район исключительно по причине отсутствия компании и незнания иностранных языков.

С тех пор эту красочную картину встречи под сенью красных фонарей слышали десятки людей, а невольные участники из числа «театралов» продолжали робеть и даже слегка краснеть, когда им доводилось сталкиваться с Галиной Борисовной. Большинству из них к тому времени уже перевалило за пятьдесят.

Поэтому звонок от Галины Борисовны с предложением встретиться поначалу не вызвал у Евгения Павловича должных положительных эмоций, но подсознательное опасение, что его никому не нужную тайну, которая и тайной-то никогда не была, могут раскрыть, заставило немедленно согласиться.

– Интересный вариант. Конечно, мы ищем надежных партнеров для осуществления своих операций, и Саша как нельзя лучше подходит на эту должность. Не подумайте, что я так говорю, потому что он мой сын, нет, – а Галина на всякий случай даже в мыслях не допускала сейчас ничего подозрительного, дабы не спугнуть собеседника, – привычка. – Он хорошо знает язык, получил большой опыт в объединении и, не скрою, мне будет проще убедить товарищей работать с новым банком, если его будет возглавлять... даже, я бы сказал, непосредственно руководить, такой специалист.

Евгений Павлович осекся, поскольку прекрасно понимал истинную суть предложения и роль сына в новом проекте. Галина благодушно улыбнулась и с наигранным восторгом согласилась с тем, что им несказанно повезет, если именно Александр согласится принять из их рук бразды правления едва народившимся банком. Евгений Павлович нотки иронии в словах знакомой не заметил, вполне серьезно согласившись с ее мнением, но пообещал поговорить с сыном, как будто бы тот коллекционировал подобные предложения и не мог выбрать из них наиболее достойное. Галина Борисовна улыбнулась еще раз, размышляя о том, какой удачный вариант она выбрала. Использовать чужое тщеславие в собственных целях она умела безукоризненно.

Узнав об этом разговоре и сосредоточив свои размышления главным образом над перспективами получать заработную плату в размере двух тысяч долларов, Александр Евгеньевич решил, что предложение занять столь высокий пост в коммерческом банке было бы сейчас как нельзя кстати. Вместе с отцом они восприняли его практически как должное и решили, что соблаговолят ответить на него согласием.

Итак, спустя много месяцев напряженной организаторской и дипломатической работы, которая главным образом сосредоточилась на обещаниях будущих «пряников» клиентам и сотрудникам, стало понятно – банку быть!

Как и предполагалось, половину его небольшого, но, говоря языком банковских нормативов, достаточного капитала сформировали те самые осколки социалистической экономики, переехавшие на шаткие рельсы экономики рыночной, а другую половину добавили мало кому известные общества, на вопрос об источниках средств которых, как мы помним, Галина Борисовна привычно закатывала глаза, поднимала указательный палец вверх, всем своим видом намекая, что ответ на этот вопрос очевиден, но знать его небезопасно. По иронии судьбы она действительно не лукавила, по крайней мере не так, как привыкла делать это раньше. Источник происхождения основной массы денег и правда мог знать только узкий круг лиц, но вот связан он был совершенно не с теми людьми, на кого как бы прозрачно намекала вице-президент нового банка... Простенький, но эффективный прием, который еще не раз и не два поможет Галине в работе, но, увы, со временем обернется и против нее самой. Однако до этих мрачных времен было еще очень далеко. Пока же все сопричастные к рождению нового банка, как и положено родителям, занялись изобретением звучного и солидного имени для своего детища. После долгих споров и размышлений в название на всякий случай впихнули пару-тройку несвязанных, но громких слов, которые в формате аббревиатуры намекали не только на большие международные перспективы и амбиции новой кредитной организации, но и, конечно, на возможную, хоть и не обязательную, связь с некоторыми более известными публике названиями. Внешнеэкономический – звучит солидно и приятно для слуха зиц-учредителей. Транспортный – фундаментально и понравится директорам клиентов. Ну и, собственно говоря, Б – банк. И гениально, и просто, и со смыслом, причем, как любила Галина Борисовна, – двойным. В-Т-Б. Внештрансбанк. Услышав это название, большинство людей долгие годы действительно полагали, что где-то что-то уже слышали об этом банке, но вот что именно? Они, конечно, не помнили, но были уверены – точно что-то хорошее.

Английский перевод на правах большого знатока языка самолично соизволил сделать Александр Евгеньевич. В результате и без того нескладное перечисление слов в русском вари-

анте превратилось в еще большую бессмыслицу на английском языке – Foreign Economic and Transportation bank. Но президент был безусловно горд и доволен собой. Алик был менее щепетилен в формальных вопросах, не связанных с деньгами, и узнал о выборе названия с неприкрытым безразличием. В конце концов, на его тисненой золотом визитке значились только имя и отчество. Без фамилии, должностей и контактных данных. Он подсмотрел это в каком-то голливудском фильме про мафию еще в 80-х и с тех пор каждый раз, когда передавал ничемный клочок бумаги собеседнику, наслаждался его реакцией на фразу «Я сам вас найду», которую обязательно с ухмылкой добавлял, видя недоумение от отсутствия на визитке какой-либо полезной информации.

Тогда, в самом начале пути, казалось, что с такими талантливым и амбициозным руководителем, сплоченной командой профессионалов, надежными учредителями Внештрансбанку уготована яркая и долгая жизнь. Что ж, отчасти эти прогнозы оправдались.

У руля

Солнце, столь редкий и от того долгожданный гость на московских улицах, заливало своим светом проспект, по которому тянулись плотные вереницы машин. Александр смотрел в окно сквозь линзы новых дорогих очков и неспешно пил кофе, который только что принесла секретарь Наташа.

– Вам что-нибудь заказать на обед?

– Спасибо, у меня с собой, – он передал ей лоток с какой-то едой, которую ему приготовила домработница, нанятая после того, как в его трудовой книжке появилась новая запись, гласившая, что отныне он является президентом банка.

Александр Евгеньевичу очень нравилось это гордое наименование, за которым, правда, положа руку на сердце, кроме заработной платы в пару тысяч долларов США, большую часть из которых он, разумеется, с упоением получал на руки в конверте, не стояло ровным счетом ничего.

Из обширного перечня привилегий, которые грезились ему сразу после того, как он с отцом согласился на предложение Галины, явью, кроме отдельного кабинета и зарплаты, не обернулась ни одна фантазия.

Автомобиль, большой, черный, немецкий, но, правда, пятилетний, он приобрел себе сам. Водителя, которому скрепя сердце ежемесячно отсчитывал из того самого конверта двести долларов, нанял тоже сам, осчастливив кого-то из менее удачливых сыновей их старых соседей по номенклатурному дому. Секретарь Наташа, соблюдая формальные приличия, выполняла некоторые его незатейливые поручения, но, по сути, оставалась личной помощницей предпринимчивых брата и сестры. Впрочем, скудный список его потребностей, как то: утренний кофе, заказ столика в ресторане или разогрев домашней еды – едва ли не полностью покрывал перечень деловой активности Александра за весь рабочий день. Благодарная за согласие выполнять функции зиц-президента, Галина Борисовна освободила его от любых реальных обязанностей.

Александр приезжал на работу с весьма деловым видом около 9:30. Стремительно пронесся по коридору с газетой в руках по направлению к своему кабинету и погружался в рутину рабочего дня, которая в его случае состояла из чтения прессы и просмотра телевизора. Самым неприятным моментом, который наступал каждое утро и вечер, была неминуемая необходимость что-то подписывать. Каждый раз, когда в кабинет стучали, а бывало это за исключением случаев, когда речь шла о необходимости поест или выпить чай, лишь дважды в день, в груди Александра рождалось неприятное, тягостное ощущение тревоги. Он не только не знал, что он подписывал, но и всячески старался избавиться от этого ненужного знания. Он, возможно, даже зажмурился бы, если бы при этом можно было продолжать попадать ручкой в нужное место на очередной бумажке. В эти драматичные минуты он старался представлять, как получает очередной конверт с зарплатой, и холодок отчаяния понемногу покидал его массивную грудную клетку.

Тем не менее он оставался президентом новоявленного «участника» нарождающегося финансового рынка России. К слову, этот титул как нельзя кстати подходил мироощущению Александра. Он напоминал ему о давней тяге к поиску подтверждений благородного происхождения их семьи, которая, по правде говоря, вела свою историю от крестьян Рязанской губернии. Его прадеды в свое время весьма преуспели на волне коллективизации скорее на партийной, чем на сельскохозяйственной ниве, но Александр нес титул президента с достоинством, которое было бы объяснимо, если бы ему довелось быть наследником как минимум высокородного князя.

За возможность насладиться этим ощущением Александр должен быть благодарен своему заместителю, вице-президенту, которым стала сама Галина Борисовна.

– Галочка, – взвалившая на себя большую часть повседневной управленческой рутины Татьяна Васильевна Галкина на правах старой знакомой и соратницы обращалась к начальнице исключительно на «ты», – скажи, пожалуйста, ты посмотрела штатку?

– Да, Тань, только не совсем поняла, почему в самом начале какие-то вопросы везде? Директор, председатель...

– Надо выбрать из нескольких вариантов, – Татьяна пустилась в традиционно подробную лекцию об особенностях действующего законодательства в таком, казалось бы, пустяковом вопросе, как устав кредитной организации.

Несмотря на формальность, оказалось, что, в отличие от обычного хозяйственного общества, где руководителю автоматически присваивалось звание генерального директора, для банка, по словам Татьяны, выбор был существенно шире.

– Президент – это звучит солидно, – Галина Борисовна была тоже по-своему не чужда тяге к определенной пафосности, особенно если ее удавалось достичь бесплатно. – А вообще мне все равно. Председатель правления как-то напоминает колхоз.

Таня с этим безусловно справедливым аргументом согласилась и тем же вечером окончательно отредактировала документы, убрав из штатного расписания отвергнутые варианты названия должностей.

За несколько месяцев, что прошли с момента эпохального квартирного приема на Ленинградке, банк стал приобретать черты настоящей организации, а не полуавантюрного проекта Алика, который до этого не менее вдохновенно занимался дубленками из Турции, поддержанными машинами из Германии и прочей традиционной бандитской мелочью тех лет. Правда, тогда еще был жив их отец и все эти прожекты казались не более чем забавой, в то время как настоящее дело, разумеется, оставалось уделом старшего. Теперь его не было. Не было и тех дел, которыми он прославился и запомнился во многих коридорах, где сидели люди с холодными головами и горячими сердцами, но взамен появились деньги... Большие деньги.

Правда, что с ними делать, они решили не сразу. Идею подкинул знакомый валютчик Шурик, который во время очередного застолья у «Мамы Зои» живописал Алику масштабы бизнеса, крутившегося вокруг вьетнамской диаспоры, представители которой трудились в районе Лужников. Вышедшие из-под расстрельной статьи специалисты обмена, как и все в то время, стремились встать на цивилизованные рельсы настоящего бизнеса. «Как у фирмачей». Говоря понятным для этой публики языком, они нуждались в «крыше», в прямом и переносном смысле. Алику эта идея понравилась, став, по сути, первоначальной бизнес-моделью будущего банка. Знакомства сестры и ее опыт работы в сфере финансов добавляли уверенности в успехе, а пресловутые «большие деньги» помогли облечь фантазию в реальность.

Коридоры и пустынные кабинеты бывшего института постепенно наводняли люди. Здесь уже обосновались несколько бухгалтеров, сновали компьютерщики, обустривались в укрепленной комнате с настоящим бронированным хранилищем кассиры, а их соседями по этажу стали юрист, валютный операционист и даже курьер и несколько водителей. Каждый из тех, кто был призван под знамена Галины раньше, собирал по знакомым, друзьям и родственникам основу будущего дружного коллектива, в котором не было ни одного случайного человека с улицы. Свободных кабинетов с лихвой хватило бы еще на пару десятков сотрудников. Галина расположилась в комнате рядом с президентом, и даже Алик решил, что для важных встреч и переговоров ему обязательно понадобится отдельный кабинет. Сын Галины, Давид, который в качестве перспективы дальнейшего карьерного роста безусловно рассматривал место в кабинете под номером один, временно согласился на стол в общем зале, где и продолжались их регулярные совместные компьютерные битвы со знатоком техники и большим любителем автомобилей «москвич» Алексеем. Позднее своей маленькой уединенной комнаткой обзавелся и он.

К осени 1995 года в автоматизированную банковскую систему Внештрансбанка стали попадать первые проводки, в кассу потянулись пока еще тонкие ручейки денег, а клиенты выстраивались в небольшие очереди у одинокого окна операциониста, расположенного за неимением других вариантов в коридоре учреждения.

Несколько первых лет жизни нового банка даже непосредственные участники его становления теперь помнили с трудом. То ли за давностью лет, то ли по причине возраста, то ли, поддаваясь хитрым играм памяти, способной отметать неприятные воспоминания, ставшие впоследствии причиной стольких переживаний.

Александр Евгеньевичу эти годы запомнились почти как один день. Долгий, слегка сонный, за окнами которого почему-то то шел снег, то внезапно проглядывало жаркое солнце или вдруг начинался холодный осенний дождь.

Он все еще страшился тех моментов, когда в дверь входил очередной сотрудник с кипой каких-то бумаг, но постепенно стал привыкать и к этому, равнодушно взирая на толстые пачки документов как на неизбежное условие получения необходимых благ. Судя по увеличившемуся количеству таких визитов, банк рос, а вместе с ним росла и его ответственность. Временами очередной приступ депрессии все же выводил его из равновесия, и тогда его переживания выливались в драматичные сцены скандалов с участием Галины и Алика. Появление последнего всегда знаменовало собой окончание нового сюжета нудной, заигранной до дыр пьесы. Для Александра регулярные спектакли в итоге обернулись двукратным увеличением содержания пресловутого ежемесячного конверта, появлением новой (вернее, чуть менее старой, чем была предыдущая) подержанной иномарки неизменного черного цвета и немецкого происхождения, а также приемом на работу симпатичной секретарши Любы.

Все эти подачки стали своеобразным ритуальным жертвоприношением на фиктивный президентский алтарь. За те же годы и брат, и сестра новых секретарей не завели, но, помимо действительно новых машин, обзавелись несколькими квартирами, скромными, но просторными домами и, как подозревал Александр, каждый месяц выдавали себе гораздо более солидные «конверты» с вознаграждением за непосильные труды. Но главная проблема для президента таилась в другом. Он абсолютно не ощущал радости от получения этих денег, перестал чувствовать воодушевление от нового и довольно доходного места работы. Умом он понимал, что ему, несомненно, улыбнулась удача, столь редкая в суровых реалиях рыночной экономики, которая в те времена разливалась по стране бурными потоками преобразований, уже смывшими с поверхности казавшихся непотопляемыми гигантов из прошлой жизни, среди которых оказался и его вынужденно ушедший на пенсию отец. Но в глубине души у него все больше копилось недовольство и раздражение от успеха этих безродных выскочек, которые использовали его ум и знания в роли подсадного зиц-председателя.

Людей почему-то принято делить на разные категории в зависимости от их пристрастий, особенностей, талантов, привычек и прочих интересующих исследователей характеристик. Новоявленный банкир был из числа тех, кого причисляют к счастливой когорте баловней судьбы.

Александр, как и многие послушные дети из благополучных семей, с детства был убежден, что не может позволить себе опозориться и ударить в грязь лицом, чтобы не подвести родителей. Именно поэтому он усердно учился, вернее упорно шел к результату – звездочки в тетрадке в первом классе, пятерки в четверти в третьем, отчетный концерт в музыкальной школе, аттестат с отличием, экзамены в вузе, дипломы... Он двигался в стремительном потоке времени, заранее зная цель, добравшись до которой, например, в школьные годы, можно было немного передохнуть на каникулах, чтобы вскоре вновь броситься в бурную реку борьбы за следующий результат. Он настолько к этому привык, что именно цель, а не сам процесс ее достижения, даже если он должен был быть приятным, стали казаться ему единственным, что имеет значение. Эта уверенность наполнила его личность и стала восприниматься как долж-

ное во всех сферах жизни – от личной до общественной. И если в первом случае результатом стал его статус вечного холостяка, то, что касается работы, потеряв ориентиры в виде четвертей, полугодий, сессий и дипломов, Александр позволил себе расслабиться настолько, что в какой-то момент в период обострившейся на фоне нескольких бутылок виски рефлексии признался, что не видит смысла в своем существовании. Возможно, виной тому были родительские ошибки в воспитании, быть может, их неудачные гены или вообще какие-нибудь физиологические особенности развития левого или правого полушарий – он не знал, кого бы еще можно было обвинить в своих бедах. Но все же как никогда четко осознал: люди, умеющие наслаждаться процессом, не заморачиваясь исключительно на скором достижении искомого результата, возможно, бывают менее эффективны и ответственны, но определенно гораздо более счастливы, чем те, кому для понимания, что они вообще еще живы, нужно постоянно достигать какой-то промежуточной цели. Как ни грустно это было признавать, Александр принадлежал к группе последних. В конце концов, все мы так или иначе стремимся к одной заранее известной финальной цели, и проскочить к ней быстрее других, не замечая за этой гонкой собственно самой жизни, – довольно сомнительный успех.

Но изменить себя на заре пятого десятка лет даже после столь ясного осознания проблемы было уже практически невозможно. Новая должность и новая работа на время облегчили ему процесс принятия себя и своей роли в сложившихся обстоятельствах, но, за неимением реальных обязательств, а как следствие, и задач, которым его внутренний календарь всю жизнь стремился назначить сроки исполнения, сделали единственной осязаемой целью ожидание регулярных выплат в пресловутых конвертах. Даже он понимал, что гордиться подписанием сотни документов и считать это своим ежедневным достижением по меньшей мере глупо. Однако смирился со своей участью.

Александр Евгеньевич приехал на работу, где с момента появления Любы у него, помимо повседневных обыденных ритуалов и необременительных обязанностей руководителя, появилась еще одна приятная забота. Дверь распахнули без стука.

– Привет, как спалось? – подобная фамильярность в обращении обычной секретарши была не просто вызывающей, а демонстративной.

– Доброе утро, Люба, – Александр, как единственный присутствующий в кабинете, прекрасно понимал, что эта показуха была рассчитана исключительно на него. От него ждали ответной реакции.

Белая блузка, черная узкая юбка, туфли – стандартный, но притягательный набор.

– Запри, пожалуйста, дверь. – И реакция последовала без промедления.

Александр Евгеньевич при всей своей внешней физиологической суровости, наводившей благоговейный трепет на рядовых сотрудников, за стеклами очков прятал инфантильность настолько вопиющих размеров, насколько этот парадоксальный диссонанс могло вместить его грузное тело. Он еще в юности частенько рефлексировал на тему собственной неуверенности в общении с другими людьми, если те не находились в заведомо подневольном или угнетенном положении. И особенно если эти люди были женского пола и выглядели привлекательно для безусого отпрыска статусной семьи. Тогда, стремясь в первую очередь успокоиться, Александр снова пришел к выводу, что причина может скрываться в некой физиологической особенности его организма. Конечно, он подразумевал не мнимую природную склонность к полноте, которая отталкивала брезгливых подруг, а некую психологическую наследственность. Помимо его воли, она еще до рождения нанесла причудливые увечья коммуникативным способностям Саши. Поэтому без вспомогательных методов обретения необходимой уверенности ему не обойтись. Ну и пусть, решил будущий президент банка. Ведь нуждается глухой от рождения в специальном слуховом аппарате, хромой – в костыле, да что там далеко ходить, когда и он сам, чтобы компенсировать испорченное любовью к чтению слабое зрение, вынужден надевать очки. Так же и отсутствие врожденной уверенности в собственных силах, рас-

суждал юный Саша, отнюдь не порок, а досадное недоразумение, которое легко устраняется подсобными средствами. Например, в прошлой социалистической эпохе для обретения веса (конечно, не физического, которого у него всегда было хоть отбавляй и который, напротив, мешал обретению уверенности) ему хватало связей и статуса родителя. И Александр не видел в этом факте абсолютно ничего постыдного. Кому-то повезло, и он обладал вожделенным качеством от природы, например, как те наглые областные мальчишки, которые, несмотря на робкие протесты Саши, вытеснили его из очереди на новые аттракционы в Парке Горького. Ни денег, ни статуса, ни даже приличной модной одежды у них не было, но подруга, которую он с таким трудом заманил на свидание, смотрела на возмутительное поведение хулиганов с восторгом. Посрамленный Александр понимал, что их вызывающей решительностью он не обладает, и гордо ретировался из парка, чтобы через неделю вернуться подготовленным. После звонка отца знакомому секретарю Фрунзенского райкома его провели по всем аттракционам, как почетного гостя. Правда, уже в одиночестве – позабытая ныне подруга от повторного свидания отказалась и его триумфальное возвращение не наблюдала. Дура! Конечно, возможности отца были не единственным достоинством Саши. У него были и быстрый ум, и хорошая память, и приличное воспитание, но вот то, что называлось харизмой, увы, напрочь отсутствовало. Повзрослевший Александр ничуть не преуспел в развитии искомых способностей, которые навряд ли можно было прокачать как мышцы, которых он, справедливости ради, с годами тоже так и не приобрел. Зато теперь он четко понимал, что в новую эпоху прежний спасительный «костыль» был бесполезен. Ему нужны были деньги. И только деньги. Без них он хуже, чем инвалид, – он импотент! Но кто ж виноват? Точно не он. Что поделать – подвели его родители с их генами неуверенности и смешными, по нынешним меркам, накоплениями. Подобное объяснение неудач его вполне устраивало и успокаивало.

Только с появлением в его жизни сначала Внештранса, а потом и Любы, ситуация стала изменяться. Поэтому Александр, прекрасно понимая, что и как искала и нашла в нем бойкая секретарша, все же стеснялся объяснить ей некоторые детали реальной иерархии, существовавшей в управлении банком, а она, уже продумавшая в мелких деталях собственное паразитическое будущее в качестве первой леди солидной финансовой организации, упорно игнорировала то, что слышала от других сотрудников. Словом, они идеально подошли друг другу, как шестеренки замысловатого механизма часовой бомбы, которые однажды, наконец совпав в установленном кем-то порядке, приводят к тотальному разрушению иллюзии.

Галина Борисовна шла по коридору банка, который она по привычке называла нафталиновым термином «учреждение», в недобром расположении духа: Давид опять укатил куда-то со своими друзьями и этой... фифой. Она прекрасно знала, как зовут «фифу», и, говоря по честному, ничего действительно плохого или предосудительного ни в ее прошлом, ни в репутации ее семьи, ни даже во внешнем виде и привычках неброско одеваться и краситься не находила. Но природа брала свое. Неизвестно, что тому послужило причиной: то ли особенности воспитания, присущие культуре ее семьи, то ли сложные матримониальные отношения в ее собственной судьбе, но тем не менее любая женщина детородного возраста, особенно если она ненароком приближалась к Давиду или Алику, автоматически признавалась шалавой. Исключение делалось для дочерей нужных и влиятельных родителей, среди которых, увы, большинство, даже если бы очень захотели, не смогли бы стать пресловутыми шалавами по техническим, вернее, физиологическим причинам.

Галина не знала, из какой семьи была Люба, но точно была уверена, что эти родственные связи ей самой никогда не пригодятся. На ее беду, как бы странно это ни выглядело для всех, кроме Галины, у девушки были стройные ноги и высокая грудь. А вот мысли, роившиеся в ее в голове, увы, ни стройностью, ни высотой своих полетов не отличались.

Легкомысленно улыбаясь, она нечаянно натолкнулась на заместителя Александра, которая, несмотря на формальные статусы и должности, конечно, была настоящей, полноправной

хозяйкой этих стен. Люба уже порядком разобралась в положении дел, но, как любая мечтающая о счастье женщина, упорно игнорировала новое знание, предпочитая безосновательно верить в восходящую звезду Александра.

– Здравствуйте, Галина Борисовна, – Люба уже почти пропорхнула мимо, но...

Галина исподлобья оглядела секретаршу так, чтобы не оставить и намека на возможность мирного окончания этой случайной встречи.

– Что это вы себе позволяете? Вы в учреждение пришли или в бордель?

– В каком ... – Люба оторопела и не понимала, что случилось. Неужели кто-то видел, как они с Александром... нет, невозможно. – Вы о чем?!

– Что это за красная помада, блузка до пупка и где колготки?

– Лето на улице, – начала было оправдываться Люба, но вспомнила, кто она и, главное, под чьим началом работает. Во всех смыслах. – А почему это, собственно говоря, вас волнует? У моего руководителя претензий ко мне нет. Если уж вас что-то не устраивает в моем внешнем виде, то займитесь лучше своим.

Галина открыла рот от удивления, но не нашлась, что ответить, выдохнув после долгой паузы вслед уходящей девушке: «Хамка!» И затем уже почти закричала: «Алик!»

Алика, разумеется, в такую рань в офисе не было – он закончил очередную бурную ночь после концерта своей новой пассивности уже с рассветом. Но едва он появился в банке в весьма потрепанном и сонном состоянии, как уже буквально через пять минут ему пришлось с головой окунуться в бушующий океан нешуточных страстей, о которых с раздражением вещала разъяренная сестра.

– Ты где шлялся? Опять у этой шалавы был!

– Ой, прекрати ради бога, – Алик привычно морщился и отстранялся от родственницы руками.

– Я требую, чтобы ты с ним разобрался. Я не позволю превращать наш офис в бордель. Что она себе позволяет?

– Я тебя умоляю, потише! Я не понял: разобраться с ним, а позволяет она?

Галина тут же в красках описала сцену, произошедшую утром, но, зная характер и замашки сестры, особого рвения в деле ее защиты от очередной «шалавы» Алик проявлять не спешил.

– Я поговорю с ним, успокойся.

Острая фаза противостояния постепенно прошла, зафиксировав между сторонами продолжительный статус-кво, который был больше похож на состояние холодной войны. Изредка заходя в секретариат, Галина Борисовна демонстративно игнорировала угол, в котором располагался стол Любы. А если случалось, что в кабинете никого, кроме секретарши, не было, она без раздумий принималась копировать или отправлять факсы самостоятельно, чем невероятно веселила противницу, по наивности и молодости не понимавшую, что ее поражение лишь вопрос времени. Ехидные смешки, долетавшие до ушей Галины из ненавистного угла, лишь приближали неизбежную развязку, сценарий которой пока еще просто не созрел в ее голове. Она была слишком занята другими проблемами.

В городе стояла привычная для августа московская погода – жарко и душно, но солнца жители мегаполиса не видели уже несколько недель. Блуждавшие по небу серые тучи, как в плохой пьесе, создавали дополнительный апокалиптический антураж для происходившего в экономике.

Галина Борисовна уже неделю практически не спала. Выходные, когда она не знала, чем себя занять, и постоянно думала о делах, тянулись мучительно долго, и поэтому утра понедельника она ждала с нетерпением.

Поводов для ее волнений было множество: Давид совершенно игнорировал ее отчаянные попытки запоздалого воспитания, все больше проводя времени в компании Алики,

который примерным характером никогда не отличался и тревожил их с матерью тем, что, несмотря на солидный, по их мнению, возраст, даже не собирался задумываться о семье и детях. И на фоне всего этого ей никак не удавалось найти успокоения на работе: привыкшая больше к канцелярской и переговорной работе с клиентами, Галина интуитивно понимала, что происходящее на рынках таит в себе опасность даже для их маленького и скрытого в коконе приватности банковского бизнеса. Два года назад они скрепя сердце решились на создание у себя загадочного подразделения под названием дилинг.

Галина никогда бы не стала играть в эти игры с «голубыми фишками», удаленными терминалами и прочей ерундой, о которых она имела весьма поверхностные теоретические представления, но разве можно отказать клиентам? Боссы крупных и средних государственных компаний бегали по всему рынку в поисках «своих людей», чтобы поучаствовать в занимательном аттракционе, который представляли из себя российские валютные и фондовые рынки того времени. Конечно, рассчитывать на многое с их возможностями по сравнению с основными участниками представления было сложно, но даже остатки с обглоданных костей в этом безумном вареве галопирующей доходности ГКО обещали долгое безбедное существование для всех сопричастных.

Немного посомневавшись, в очередной раз услышав твердое «нет» от главного бухгалтера, Галина Борисовна, уже чуть ли не в пику ей и наперекор собственным принципам, решилась:

– Надо искать людей. Танюша, займешься?

Танюша, безусловно, занялась, хотя и не слишком хорошо представляла себе, что именно надо делать и кого искать. Для нее такая неопределенность полученного указания была почти что нормой. Она давно привыкла, что все сумасбродные и неподготовленные проекты в любом случае попадут к ней. Ей повезло, что пару месяцев назад ей порекомендовали безобидную и исполнительную Катю Малинину, которая так же, как и сама Таня, была готова взяться за любое поручение и, как ни странно, очень часто умудрялась довести его до нужного результата, избежав при этом ошибок.

Собеседование с будущими дилерами и их начальником Галина проводила лично.

– У нас сплоченная команда. Мы давно на рынке и, поверьте, мы знаем, что вам нужно. Правда.

Галина Борисовна любила, чтобы собеседники верили ей, и очень часто прибегала к этой вербальной конструкции, особенно в тех случаях, когда, кроме как на веру, уповать было больше не на что. Именно поэтому к другим людям, которые обращались к ней с таким же посылом, она, мягко говоря, относилась настороженно.

Тем не менее дилинг, упрятанный в дальний закоридорный кабинет, больше походивший на кладовку, все же создали и на всякий случай закрыли кодовым замком, чтобы никто посторонний не смог проникнуть в таинство происходивших за закрытыми дверями спекуляций. И заодно, конечно, не мешал группе, состоявшей из двух дилеров, во главе с их начальником временами снимать стресс на рабочем месте посредством умеренных возлияний за удачные и не очень сделки.

Завсегдатаем комнатухи стал и Давид. Он живо интересовался графиками, терминалами, ценами, пипсами и, слабо отличая «голубые фишки» от привычных игровых, с азартом постигал азы рынка FOREX.

Но Галина была не против, тем более что невинные шалости ребенка отвлекали его от «шалав» и вроде как имели прямое отношение к будущей карьере. «Это же все-таки трейдинг, мама!» – ответил он на ее претензии и опасения, когда как-то перед Новым годом пришел просить денег, чтобы усреднить убыточную позицию по «кабелю»².

² Сленговое название английского фунта стерлингов.

– Какому еще кабелю?

– Мам, это пара фунт-доллар. Неважно.

«Я знаю, не вырос еще учить меня. Я, между прочим, на Нью-Йоркской фондовой бирже была», – пронеслось в голове у Галины Борисовны, которая тем не менее вслух произнесла совсем другое: «Запомни, это не хлеб. Этим на жизнь не заработаешь».

Давид отмахнулся.

Галина Борисовна смирилась с тем, что дилинг, а вернее, управление операций на валютном и фондовом рынках, стал неотъемлемой частью банковского бизнеса. Ее бизнеса. И все же каждый раз, когда кто-нибудь вспоминал об этой унылой комнатухе на задворках «учреждения», она не могла сдержатъ раздражения. И дело было не столько в скромных результатах деятельности ее обитателей и их огромных, по ее меркам, зарплатах, сколько в том, что она физически ощущала, что не обладает привычным полным контролем над этой «командой». Контролем не в традиционном понимании формального подчинения и субординации, а таким, который бы внушал подчиненным ощущение тотальной зависимости их карьеры и, пожалуй, жизни от того, сумеют ли они добиться ее благосклонности.

Она могла на них накричать, могла застрашать ничего не значащими карами, но как убедить их в том, что без нее у них нет будущего, а значит, любая попытка обмана или несогласия обернется неминуемым крахом карьеры? Прежде всего, она не могла смириться с тем, что каждый из них прекрасно понимал, что ее знаний и опыта недостаточно, чтобы вникнуть в реальную суть разнообразных торговых манипуляций. А значит, у них не было и страха, который предостерег бы их от любой попытки выкинуть какой-нибудь сомнительный фортель. Они были «вещью в себе» и даже не пытались скрывать, что считают себя «белой костью» банка. Самостоятельность и инициативность в ту пору определенно были, в ее представлении, скорее пороками, чем добродетелями подчиненных.

Но ей волей-неволей все же приходилось мириться с излишней независимостью этой «команды». За два года работы дилинга многие клиенты не только активно участвовали в пирамиде ГКО, подбрасывая на корсчет банка пару-тройку миллиардов неденоминированных рублей, которые всего за пару дней приносили им десятки годовых неучтенного дохода, но и, рассказывая о щедрости и приватности получаемых услуг, привели на обслуживание с десятков своих знакомых и коллег. В этом нелегко было признаться, но ей нужен был дилинг, чтобы удерживать старых и привлекать новых клиентов.

И все же что-то упорно терзало ее при виде этой самодовольной дилерской рожи... Тревога в отношении непонятной машинки для зарабатывания денег не покидала ее ни на мгновение. Она не могла поверить, что на российском рынке, где постоянно приходилось искать каких-то нужных людей, с кем-то знакомиться, что-то предлагать, на что-то соглашаться, можно вот так безнаказанно заработать, используя при этом только кнопки, графики и телефоны. Нет, интуиция ее никогда не подводила. Что-то еще будет, и ожидание неизвестного определенно не доставляло ей удовольствия.

Пока же все шло относительно хорошо. Бизнес расширился. Кредитная организация вышла на «проектную мощность», как любили говорить во времена советской юности Галины бывшие начальники. Не совсем научный, но проверенный метод «сарафанного радио» стал залогом уверенности в завтрашнем дне.

И все же в мае 1998 года интуиция начала с новой силой беспощадно пробуждать в ее подсознании самые тревожные мысли: доходность государственных бумаг росла невероятными темпами, рубль безудержно падал, как и цена барреля нефти, намекая даже самому далекому от мира экономики и финансов человеку, что начинается финальный акт постановки, где главные участники, как всегда, останутся с барышами, а мелкие сошки, вроде специалистов их злосчастного дилинга, предстанут перед зрителями безвинными, но все-таки жертвами. Слу-

шать жалкие хлопки разорившихся клиентов после того, как занавес окончательно опустится, она, разумеется, не хотела.

– Продавайте весь портфель, – Галина вернулась со встречи в кафе с одним чиновником, который явно не понимал, зачем она его позвала, и, чтобы скоротать время между рассказами о слухах и сплетнях, невзначай поделился с ней твердой уверенностью, что в ближайшие месяцы пирамида ГКО рухнет.

– Галина Борисовна, да это же убыток на несколько миллиардов. Не спешите, государство никуда не денется. Вы же не думаете, что целая страна, тем более такая, как наша, обанкротится? Это смешно. Никто этого не допустит, находясь в здравом уме.

– Я ничего не думаю, а знаю, что те, кому надо, не обанкротятся. В отличие от нас с вами. Мне знающие люди сказали, – ей в очередной раз помогал аргумент с полунамеком на некие всесильные источники в лице того самого скучавшего в кафе чиновника, который на самом деле ничего толком и не знал, но отчасти для придания большей значимости своей персоне, отчасти просто развлекаясь, сгустил краски и нагнал на забавную банкиршу ужаса. – Я вам все сказала. Свои бумаги все продайте, клиентам я скажу, что пока мы в прежние игры не играем. Пусть сами решают.

– Как скажете, но я считаю это преждевременным. Ставки растут, деньги у нас есть, почему бы не заработать? – Андрей Петрович, услышав про знающих людей, несколько насторожился и расстроился, так как даже небольшая маржа на этом безумном рынке приносила ему лично и его команде немалую неучтенную надбавку к зарплате.

– Вы не поняли! Это клиентские деньги, а не ваши и даже не мои. Мне за них потом отвечать. Свободны.

Однако одно обстоятельство все же несколько успокаивало руководителя дилинга. Весь процесс операций, вплоть до их отражения по балансу, вели его люди. Та самая команда, которую он привел вместе с собой и с которой выстроил всю систему торговли и учета от фронт-офиса до бэк-офиса.

Именно поэтому к августу 1998 года, когда после очередного заявления президента, обещавшего скорее погибнуть под колесами поезда, чем допустить повышения цен, стало ясно, что банкротству страны все же быть, Андрей Петрович заволновался. Полученное им заблаговременно предусмотрительное поручение от вице-президента собственной организации он по факту проигнорировал.

Свято веря в возможность выйти сухим из воды и заработать на общей панике неплохие деньги для своей команды, Андрей Петрович свернул лишь часть операций с ГКО, доходность которых подскочила до 150% годовых. На оставшуюся часть позиций у него были свои далеко идущие личные планы, на которых события августа поставили жирный крест.

– Илья Борисович, здравствуйте, дорогой! – Галина включила подобострастный режим наивной и далекой от мира финансов клуши. Это означало, что проблема, скорее всего, действительно серьезная. – Как у вас дела? Держитесь?

– Как все, Галин, – голос на другой стороне трубки можно было бы принять за праздный и скучающий, если бы известные Галине Борисовне обстоятельства не предрекали вероятную и скорую кончину Межкомпромбанка.

– Илья Борисович, миленький, я переживаю, как там наши карточки. Будут работать?

Тревогу Галины Борисовны вызвал звонок руководителя одной экспортной компании, которая с недавних пор размещала в банке огромные, по ее меркам, но, что самое главное, бесплатные (по крайней мере, если верить балансу) депозиты на условиях овернайт. Он уехал в отпуск с новой семьей и маленьким ребенком и поэтому переживал, что в поездке ему не хватит наличных, так как большую часть своих средств (от тех самых «бесплатных» депозитов), хранившихся во Внештрансбанке, он положил на карточку. Для банка Галины их в качестве спонсора в платежной системе Visa по старой дружбе выпускал как раз Межкомпромбанк.

«Миленький» Илья Борисович клятвенно заверил старую знакомую, чей звонок на аналогичную тему был одним из десятка других, раздавшихся в его кабинете за этот тяжелый пятничный вечер, что проблем не будет. Деньги в банке есть, депозит в платежной системе достаточный. Повесив трубку, он налил себе еще виски, отчего его голос мог показаться следующему звонившему еще более праздным и скучным.

МКПБ несколько лет входил в число основных участников рынка, которым, как тогда казалось, посчастливилось торговать краткосрочными обязательствами государства, закладывая их под кредиты иностранных банков. С точки зрения классической теории финансов, это была обыкновенная пирамида, где никто не задумывался о процентных, валютных рисках, хеджировании и прочих неинтересных словах, когда речь шла об основном, фундаментальном понятии – прибыли. Прибыль, которая в глазах новоявленных воротил финансового рынка, правда, почти утратила академическое значение, превратившись в базарную наживу. Государство выкидывало на аукцион очередную порцию бумаг, Илья Борисович со товарищи закладывал бумаги из своего портфеля (а иногда и клиентские, с их же молчаливого и не совсем бескорыстного согласия) иностранцам, получал доллары, которые менял на рубли, и приобретал новые выпуски. За самую возможность получить часть эмиссии по устраивающей всех цене, разумеется, приходилось платить. Конечно, чтобы погасить кредит западному банку, приходилось покупать доллары уже совершенно по другому курсу, но все эти издержки с лихвой покрывала невероятная доходность государственных бумаг, которая любому здравому человеку, знавшему азы все той же классической теории финансов, казалась абсолютным абсурдом.

Но любой абсурд однажды оборачивается еще большим парадоксом. Иначе ради чего сценаристы этой постановки затеяли столь странную игру со страной, обладавшей огромной экономикой и природными ресурсами. Этой стране, согласно сюжету заготовленной пьесы, была уготована роль банкрота, который отказывается от своих обязательств и мгновенно погружается в пучину жесткого кризиса.

Одной из первых жертв этой фатальной развязки и стал МКПБ. В июле иностранные корреспонденты объявили маржин-колл и отказались выдавать новые кредиты под залог дискредитировавших себя «бумажек» российского правительства. Даже распродав весь свой портфель по бросовым ценам, Илья Борисович не смог бы расплатиться с кредиторами. Все его баснословные доходы, которые были получены за несколько «жирных» лет, давно испарились: их раздали в качестве компенсации за «бесплатные» клиентские депозиты или просто проели. Библейской осторожностью банкиры того времени похвастаться не могли и на грядущие «тощие» года ничего не запасли. Вещие сны им не снились, да и подходящего Иосифа, чтобы растолковать будущие опасности, у них не было.

У Галины Иосифа тоже не было, зато была потрясающая интуиция, которая, правда, сигнализировала ей об опасности слишком поздно. Через день после ее звонка руководителю МКПБ тот самый важный клиент, отдохавший на просторах испанского побережья, тщетно пытался расплатиться золотистым куском пластика, в который превратилась престижная карта Внештрансбанка, после того как платежная система Visa, лишившись страхового депозита, списанного иностранным банком-кредитором Межкомпромбанка, заблокировала все платежи.

– Я вам доверял! Вы меня подставили, что мне теперь делать, скажите на милость?! Как я выпишусь из отеля? У меня здесь жена... молодая... Ребенок!

– Ой, простите ради бога, – Галина пыталась защититься, – мы правда... все... Я сейчас найду... – все эти неловкие попытки оправданий прерывались гневными репликами собеседника, который в основном бессвязно ругался и грозил всевозможными карами. – У меня подруга работает в нашем представительстве в Барселоне, я с ней договорюсь, вы только скажите сумму...

И она договорилась. Старые связи и хорошая знакомая сработали и на этот раз. Казалось, что удача и талант выкручиваться помогли Галине. Клиент вроде бы успокоился и, возможно,

придя в себя и узнав, что происходит в стране, даже когда-нибудь скажет спасибо за помощь. Тем более что солнечный берег Испании он в меру благополучно покинул лишь с небольшой задержкой в несколько часов. Надо будет его просто отблагодарить: послать конверт, добавить к посылке баночку крабов, баночку икорки и дорогой водки. Это был еще один прием из арсенала Галины, который спустя годы будет вызывать у адресатов подобных посылок скорее недоумение, скрывать которое им с успехом позволит лишь увеличение толщины сопроводительных конвертов.

А в это время, когда Галина размышляла о последствиях инцидента и мысленно кляла на чем свет стоит «этого прохиндея» из Межкомпрома, стрелка часов перешагнула через полночь, и в Москве наступило 17 августа.

Галина почти бежала по коридору и, молнией пролетев через секретариат, без стука вломилась в кабинет Александра Евгеньевича.

– Ой... – растрепанная Люба резво поднялась с колен и, сверкнув глазами, бросила фатальную для своих фантазий о будущей сладкой жизни фразу: – Стучаться не учили? Выйди отсюда!

– Что-о?

Если бы не подоспевший на шум Алик и наконец справившийся со своими штанами Александр, этот и без того исторический день участницы так и не состоявшейся драки, возможно, запомнили бы на всю жизнь, наблюдая в зеркале шрамы от ногтей, оставленные соперницей. Внезапно на поле брани влетела Таня.

– Галина Борисовна, извините, что помешала: там скандал в оперзале. Приехали из Промснабэкспорта с платежками. Хотят вывести все деньги, а у них не принимают документы.

– Доигрались? – Галина обвела взглядом загнанной волчицы всех, кто находился в комнате, и немедленно вышла.

В оперзал, который на самом деле был частью коридора, Галина не пошла. Она направилась напрямик в свой кабинет, откуда попыталась связаться с главным бухгалтером Промснабэкспорта – организации, руководитель которой хоть и покинул берега Испании относительно спокойно, но мириться с таким проколом, судя по всему, не собирался.

В оперзалах по всей стране, как в этом, почти пародийном, так и в тысячах других, настоящих, бурлили эмоции, никак не связанные с личными обидами руководителей различных компаний. Страна рухнула в хаос дефолта. Предприимчивые валютчики, закаленные в борьбе с КГБ еще в далекие годы застоя, могли, если бы захотели, с упоением повторять бессмертные строчки Тютчева: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Правда, большинство из них предпочитало более близкую их духу лирику, то и дело в разговорах между собой повторяя крылатое выражение: «Если слышен денег шелест, значит, лох пошел на нерест». Это был момент их триумфа, неожиданно открывший возможности для баснословного заработка.

Молодой Мирза, оказавшийся на просторах финансовых морей волею случая всего лишь за год до этих событий, даже не имея профильного образования, моментально смекнул, что настал его час. Пользуясь старыми знакомствами среди бывших иностранных студентов и крутившихся в их среде фарцовщиков и мошенников всех мастей, он сновал по Москве с огромными спортивными сумками, меняя одну валюту на другую и обратно. На дилинг он заезжал только для того, чтобы свериться с курсом и заказать очередную порцию дефицитной наличности. Ведомый жаждой деятельности, он не особо обращал внимание на понурые лица коллег. Их команда жила своей жизнью, которая, наконец, подобралась к закономерной развязке существования.

Галина Борисовна, когда в ее кабинет вошел внешне спокойный Алик, тщетно пыталась что-то сказать в трубку, из которой бесконечным потоком лился монолог бухгалтерши, клявшейся на чем свет стоит и президента (того, что так удачно избежал гибели на рельсах), и прави-

тельство, и вороватых банкиров-спекулянтов. В конечном итоге она бросила трубку. Жалостливое и просительное выражение лица Галины мигом сменилось на властную маску.

– Ты знаешь, что сделал этот козел? – эпитет, который демонстрировал максимально допустимую для Галины степень выражения ненависти к человеку, крайне редко встречался в ее разговорной речи, но сейчас она не могла сдержаться.

– Дефолт объявил? – Алик по привычке держался обеими руками за лацканы пиджака, переваливаясь с носка на пятку.

– Очень смешно. Обхохочешься. Твой папенькин сынок решил поиграть в президента, и когда этот козел...

– Какой теперь?

– Все козлы, – Галина сделала акцент на последнем слове, так что Алик невольно мог принять эту фразу и на свой счет. Но не стал. – Шалаев, козел, пришел к Сашку и предложил сохранить часть бумаг, чтобы заработать на курсе, а часть ему, видимо, откатить. В итоге у нас на несколько миллионов долларов баракла, и клиенты требуют либо вывести деньги, либо где-то покупать валюту.

– И что?

– А то, что денег нет.

Уточнять, где деньги, Алик не стал. Он предпочитал избегать подобной информации, во-первых, чтобы не расстраиваться, во-вторых, чтобы, с чистой совестью глядя людям в глаза, уверять их, что он знает ничего не знал. Это все она...

– В общем, этих гавриков я уволю сама. Татьяна говорит, что есть толковые девчонки, которые ей помогут. И Мирза точно не с ними в команде, он парень смысленный. Я ему доверяю, думаю, разберется.

– Уверена?

– А что остается делать, скажи мне, пожалуйста? И Евгеньевича этого тоже надо гнать. Вместе с его шалавой. Хватит. Надоел. И папаша его – сидит как сыч на своей даче, ничего не делает, только названивает постоянно, переживает, что сыночку мало платят.

– Я разберусь, – мозг Алика работал в таких ситуациях мгновенно. Он, как натасканная на поиск раненых тетеревов легавая, почувствовал возможность заработать немного денег. Впрочем, ему самому подобное сравнение вряд ли понравилось бы.

Александр Евгеньевич жил в добротном сталинском доме в районе проспекта Вернадского. Оставаться на работе ему совершенно не хотелось. Слишком много событий произошло за один день, что для него, привыкшего к летаргическому течению будней, было крайне неприятно и тревожно. Тем более что все случившееся было из разряда неприятностей, обвинить в которых кого-то другого было почти невозможно. Конечно, его вины в дефолте не было, но в ситуации с портфелем облигаций и тем более с Любой он, со школьной скамьи привыкший к похвалам и восхищению, оправданий себе найти никак не мог. И это злило больше всего.

Оставшуюся часть рабочего дня он просидел в кабинете, ожидая, когда же его призовут к ответу. Но никто не входил. Ни Алик, которого он, к слову, почти не боялся, хотя прекрасно знал о его талантах и особых «боевых» заслугах, которые ужасно не вязались с комичными ужимками, шепелявостью и, особенно, манерой в минуты особенно драматических объяснений раскачиваться на каблуках, схватившись за лацканы пиджака короткими руками. Ни Галина, в которой он видел гораздо большую угрозу и при которой несколько робел, чувствуя себя великовозрастным нашкодившим учеником. Это было вдвойне неприятно, учитывая, что к женщинам он относился с огромной долей пренебрежения, а в реальной школьной жизни в такие ситуации с учительницами, которые души не чаяли и в нем, и в заграничных сувенирах от его авторитетного папаша, попадать никогда не доводилось.

Почему они не зашли? Чего ждать дальше? Звонили ли они уже отцу? Хотя зачем. От него уже ничего не зависит, и помочь он тоже никак не сможет.

В эти размышления периодически врываются воспоминания о криках Любы, которая после утренней сцены устроила настоящую истерику с рыданиями и визгом, которую Александр, кстати, тоже впервые в жизни видел воочию. И увиденное его раздражало. Она требовала, чтобы он уволил Галину и немедленно потребовал извинений от Алика. Александр какое-то время пытался ее успокоить и привести в чувство, но крики и слезы только усиливались.

– Тряпка! Жирная дешевая тряпка, – вырвавшись из его рук, Люба, как ошестинившаяся кошка, уперлась руками в стол и с ненавистью уставилась на него заплаканными глазами.

– Да пошла ты, – процедил он сквозь зубы и, побагровев, ушел в свой кабинет.

Он много раз прокручивал в голове те слова, которые хотел бы сказать ей в ответ, особенно если бы она попыталась войти к нему. Он бы высказал все, что думает о ее замашках, о том, сколько денег она вытащила из него за несколько месяцев этих странных отношений. Он бы пристыдил ее, он... Но она не вошла.

Не пришел к нему и Андрей из дилинга. Хотя заварилась эта каша во многом благодаря ему. Задумавшись об этом, Александр, проходя мимо скамейки у подъезда, невольно улыбнулся. Интеллигентные старушки, в основном вдовы советских промышленных деятелей средней руки, даже невзначай решили, что эта улыбка обращена к ним. Слегка растерянно они кивнули Александру Евгеньевичу в ответ, но дежурного пожелания доброго вечера так и не дождались.

Погруженный в свои мысли, Александр направился к лифту, опять забыв данное себе обещание подниматься по лестнице, чтобы хоть как-то удовлетворить запрос скорее разума, чем грузного тела на минимальные физические нагрузки. Сейчас было не до этого.

Он, наконец, нашел виновника сегодняшних злоключений. Конечно, виноват был именно Андрей. Это он приперся в его кабинет два месяца назад со своим идиотским предложением. Как можно было в это поверить? Тот уверял, что по бухгалтерии его девочки проведут все как надо, а в нужный момент он закроет позицию с Токобанком и никто ничего не узнает. Останется лишь получить остаток маржи от операций. Часть из них – пять тысяч долларов – он уже передал ему в июле. Известно ли это Галине? Она их наверняка уволит, но не в интересах Андрея рассказывать все детали. Ведь они заработали гораздо больше – и делали это давно. Нет, он точно ничего не скажет. Но уволят ли его самого? Отец, конечно, уже не так им нужен, но он дружит с руководителем крупнейшего клиента и соучредителя банка, который, собственно, и ввязался в эту авантюру несколько лет назад по его просьбе и под его имя. Правда, с тех пор эта хитрая баба свела с ним собственные шашни, регулярно подогревая его интерес к общению небольшими инвестициями личного характера, как они дипломатично называли взятки. Но сам Александр никогда не уйдет. Он слишком много сделал, и без него, без его имени за эти три года не удалось бы сделать то, что в итоге было сделано. Определенно. Да и где ему теперь найти работу с такой зарплатой? Конечно, он не уйдет...

Уже в квартире, заваривая чай, он начал съедать себя изнутри размышлениями в пользу и против перспективы увольнения. Он лениво поковырялся в каких-то макаронах, оставленных домработницей в холодильнике на ужин, абсолютно не испытывая чувства голода. В желудке, напротив, была какая-то тяжесть, его даже слегка мутило, а голова налилась свинцом. За несколько часов мучительной рефлексии он довел себя почти что до гипертонического криза, тем более что отсутствие тех самых физических нагрузок и любовь к макаронам, которой он изменил отчасти лишь сегодня, позволяли стрелке воображаемого манометра преодолеть путь от нормальных ста двадцати на восемьдесят до ста шестидесяти на сто за считанные минуты.

В дверь позвонили.

За окном было еще по-летнему светло, но вечер уже близился к концу. Кого еще черти принесли? Александр не любил неожиданности и сюрпризы, даже если они оказывались приятными, поскольку чувствовал себя неловко из-за необходимости как-то реагировать на них и, возможно, не дай бог, кого-то благодарить. Но в данном случае он почти сразу понял, что благодарить некого и не за что.

– Кто там? – Александр поднял очки и, прищурившись, старательно всматривался в глазок, хотя даже по первому взгляду, брошенному на пришедших, было понятно, что приятным столь поздний визит не будет.

На лестничной клетке стояли трое молодых людей, чей внешний вид не оставлял сомнений в том, что к Александру наведались либо бандиты, либо их служивые противники с другой стороны баррикад. Ни то, ни другое не сулило ему ничего хорошего: особой разницы между бойцами единого фронта борьбы за место под солнцем рыночной экономики в те годы, пожалуй, не существовало.

– РУБОП. Открывайте. – Еще более габаритный, но скорее крепкий, чем грузный, как Александр, мужчина протянул к глазку что-то похожее на удостоверение.

– А по какому вопросу? – Вопрос звучал нелепо, но это первое, что пришло в голову Александра, который мгновенно перестал контролировать себя и не успевал разобраться с обгоняющими друг друга мыслями.

Мужчина ухмыльнулся.

– Тут, уважаемый, как в кино, вопросы задавать будем мы, а вам придется отвечать. По поводу ваших мошеннических действий со средствами государственной компании.

В висках у Александра мгновенно застучало, и он, повинувшись какому-то безотчетному инстинкту, сообразив, о чем идет речь, неожиданно для себя стал торопливо открывать дверь, одновременно с этим произнося какие-то нечленораздельные оправдания.

– Все совсем не так. Во-первых, я не принимаю таких решений, и вы поймите, ведь кризис же...

Он стоял перед ними в домашних джинсах и наполовину расстегнутой рубашке.

– Здравствуйте, – говоривший через дверь рубоповец мягко, но решительно продвинулся вперед, отодвигая Александра в глубину прихожей. – В доме кто-то есть?

– Да. То есть нет. Но я жду...

– Хорошо. Мы ненадолго. Пройдем на кухню, что ль.

Вошедшие встали полукругом.

– Может быть, чай или кофе?

– Да нет, спасибо. Мы это не пьем. Дело в следующем.

Вкратце, на особом, понятном только оперативникам и бандитам языке, но без ругательств и угроз, милиционер спокойным тоном сообщил пытавшемуся сохранить остатки достоинства потомку несуществующего княжеского рода, что он кругом неправ и что, если он продолжит и завтра действовать так же, как сегодня, его лично ждут большие и серьезные неприятности, из которых возбуждение уголовного дела по факту мошенничества будет самым малозначительным.

– Но я здесь ни при чем! Я осуществляю общее руководство, но в условиях кризиса никто...

– Чебурашка, ты не понял меня? Кто директор банка? – Александр хотел было уточнить, что он президент, но разумно смекнул, что в данном контексте это уточнение скорее усугубит его и без того неприглядную роль в описанной ситуации.

– Что я могу сделать? – Александр окончательно обмяк и, невзирая на правила гостеприимства, плюхнулся на кухонный стул в присутствии стоявших гостей.

– Во-первых, надо порешать дела с отправкой денег. Во-вторых... – милиционер жестом остановил пытавшегося что-то возразить Александра. – Во-вторых, надо компенсировать хоро-

шему человеку потери и наше драгоценное время. Вот такие дела. Решать вам. Цифра – вот, – на стол перед президентом легла скомканная салфетка.

– Это в чем?

– Скажи спасибо, что не в долларах, дружище, – здоровяк ухмыльнулся. – Водички можно?

Говоривший был предельно тактичен и аккуратен в словах, но сомнений в том, что в случае необходимости его благодушное отношение может резко измениться в сторону агрессии, у Александра почему-то не возникало.

– Да-да, конечно, – он протянул дрожащие руки к серванту и холодильнику одновременно. – Я вас понял. Благодарю.

– Не стоит благодарности, – большой мужчина еще раз ухмыльнулся и, по привычке выпив содержимое стакана залпом, развернулся в сторону двери.

Троица вышла на улицу, когда уже стемнело, но воздух оставался теплым и по-летнему уютным. Старший достал миниатюрную раскладную Motorola и, держа в одной руке сигарету, набрал номер.

– Алик, привет, брат. Мы к товарищу заехали. Он, конечно, теплый у вас. Предлагал связаться с тобой, мол, за все отвечаешь ты, а он не при делах. Дал твой номер. Так что вот я тебе и звоню, можно сказать, по его просьбе, – выпустив струйку дыма, Рома, как звали оперативника РУБОП, засмеялся и слегка закашлялся. – Все, обнял. На связи.

Это полезное знакомство, которое впоследствии его еще не раз выручало, Алик завел не по своей воле. Попав в разработку этнического отдела как не самый активный, но, в силу родственных связей, и не самый последний участник одной из многочисленных преступных группировок начала 90-х годов, он постепенно превратился для оперативников из малоперспективной цели разработки в неплохой источник заработка. Узнав, что их старый приятель теперь не просто какой-то «коммерц», а теневой владелец банка, рубоповцы прониклись к Алику еще более дружественными чувствами, периодически находя с ним множество взаимно интересных и, что было важнее, выгодных тем для общения и сотрудничества.

Поэтому краткая встреча в ресторане недалеко от мэрии Москвы, на которой Алик описал план действий, не удивила Романа и его коллег. Вечером того же дня они нанесли тот самый визит, после которого Александр Евгеньевич, и так склонный к драматизации любых проблем, нарушавших гармонию его вялотекущего существования, не сомкнул глаз.

– Ну а как ты хотел, я не понимаю? Во-первых, ты же официальное лицо, лицо банка. За это тебе, вообще-то, и платили. Разве нет? – Алик говорил вкрадчивым, почти убаюкивающим голосом, постепенно склоняясь над столом Александра, на следующий день. – Во-вторых, если бы не ваша жадность с этим козлом Андрюшей, бабки бы были, и с ними бы легко расплатились. Так что я не понимаю, что ты хочешь от меня?

– Я, в конце концов, не один тут работаю. Надо встретиться с ними и поговорить, – Александр активно жестикулировал и ужасно тараторил. – Сегодня от них придет человек с платкой, а денег-то опять нет, вечером они явятся ко мне! Я не собираюсь за всех отдуваться.

– Ой, вот только не надо, – Алик по обыкновению сощурился. – Я дам тебе парабеллум. Или зонтик.

– Зачем зонтик? – Александр был совершенно сбит с толку, и предложение взять зонтик действительно его удивило, как будто идея взять парабеллум была вполне обыденной.

– Вместо парашюта, из окна сиганешь. В общем, хватит сопли жевать. Что ты от меня хочешь?

– Я не согласен так работать дальше. Я не собираюсь рисковать своим здоровьем и жизнью ради ваших денег. Думаете, я ничего не понимаю? Все эти кипы договоров каждый месяц, какие-то кредиты, карточки...

– Так тебя их кто-то заставлял подписывать, может быть? Или ты зарплату в конверте не получал за это? Раз уж обвиняешь кого-то, обвиняй до конца. Может, тогда и сообразишь, что угрожаешь сам себе. А мне угрожать не надо, – только на этих последних словах Алик сделал акцент и слегка изменил свой тон, который до этого был предельно спокойным и рассудительным.

– Я увольняюсь, – в отличие от своего визави, Александр не мог похвастаться хладнокровием. Очки предательски потели, ему казалось, что он задыхается, пот струился ручьями под рубашкой. – Но требую выходного пособия.

На этих словах, которые Александр выпалил скороговоркой, видимо, чтобы раньше времени не испугаться собственной решимости и не замолчать, у него на лбу выступила испарина.

– В общем так, – на этот раз Алик сурово навис над столом все еще действующего, но обильно потеющего президента своего банка, не спуская с него глаз. – Если не хочешь попасть на нары за мошенничество и встретиться с твоими вчерашними гостями уже в другой обстановке, бери бумагу и пиши заявление. Сколько они у тебя просили?

– Сказали, что их подопечный попал на триста тысяч рублей, но это по старому курсу, а по новому – получается почти миллион. Вернуть надо долларами.

– Полтинник, в общем. К Галине даже близко не смей подходить. Из-за твоей шлюхи у нее и так давление вчера подскочило. Я сам все объясню. Получишь шестьдесят, отдашь, и забудь про то, что работал здесь. Ты меня понял?

Александр Евгеньевич все прекрасно понял. Через час, схватив свой портфель, в котором никогда не было ничего, кроме контейнера с обедом, бывший президент навсегда покинул здание банка, в котором, как ему казалось, он когда-то обрел свое истинное предназначение.

– Все нормально, – Алик сложил и без того тонкие губы в еще более тонкую линию и замолк, ожидая реакцию сестры.

– Что нормально? Давай без этих твоих штучек. Что он сказал?

– Слушай, какая тебе разница? Я объяснил, что он кругом виноват, что влез не в свое дело, что скандалить мы не будем, ну и так далее. Конечно, человека обижать нельзя. Мало ли как жизнь сложится: земля круглая, жизнь на этом не кончается.

– Не-ет, ты что, конечно. Я боюсь, как бы он говорить лишнего не начал. И этот его старый козел папаша тоже растрезвонит по своим друзьям...

– Слушай, не учи. Он просил сотку зелени, – Галина удивленно выдохнула. – Не кипишуй, договорились, что ему и шестьдесят за глаза будет. У него там кое-какие проблемы... От твоего знакомого приходили.

– Не может быть!

– Может, но они уверены, что во всем виноват наш Саша. Чтобы их не разочаровывать, я считаю, ему надо помочь. А дальше смотреть по обстановке. Главное, что к нам ни у кого претензий нет. Ну и ему на жизнь надо чуть-чуть подкинуть. Я передам.

– Ему и десятки много, козлу, – Галина подняла трубку и нажала кнопку автонабора, чтобы позвонить в кассу. – Сколько денег надо?

Вечером Александр Евгеньевич выпил для храбрости бутылку коньяка и, когда Роман позвонил к нему в дверь, был уже достаточно нетрезв, чтобы забыть о тревоживших его страхах и почувствовать себя благородным героем, волею судьбы оказавшимся в затруднительной ситуации.

– Вот ваши деньги, – Александр вытянул руку и исподлобья уставился на гостя.

– Премного благодарен, – Роман иронично взглянул на протянутый пакет и собирался откланяться.

– И убирайтесь из моей жизни. Все! Вон! В этом вашем тухлом мирке с низменными стремлениями. Насекомые! – Алкоголь пробудил в Александре потомка неизвестных дворян,

который с презрением взирал на суету мещан, олицетворением коих в настоящий момент выступал Роман.

– Ты че, чебурашка, поплыл, что ль? – аккуратно переложив пакет с наличностью в левую руку, Роман отработанным ударом в печень погасил пламенный порыв Александра, который тяжело ахнул и обмяк. Наутро он проснулся с головной болью, нечеткими воспоминаниями о причинах тяжести в боку и ощущением легкой эйфории от того, что ему удалось выйти сухим из воды, прихватив из этого плебейского балагана неплохие отступные.

Роман же направился в ресторан к Алику, где, честно отсчитав положенные за услуги деньги, вернул остаток идейному вдохновителю блестяще разыгранного спектакля.

Спустя несколько месяцев буря в экономике, наконец, улеглась. У руля встал многоопытный дипломат и разведчик, а Галина Борисовна официально получила бразды правления банком в свои руки, что, впрочем, никак не сказалось на повседневной работе сотрудников: каждый из них и так прекрасно знал, кто здесь настоящий хозяин. Внештрансбанк пережил эти тревожные месяцы без особых потерь и даже, как ни странно, приобрел несколько новых клиентов, которые лишились после кризиса своих карманных банкиров и были немало удивлены тому, какие условия предложила им странная женщина, представившаяся президентом никому не известной кредитной организации.

Приобретениями, а не потерями закончился кризис и лично для самой Галины Борисовны, и для ее брата. Источником средств, направленных на улучшение жилищных условий семейства, стали практически добровольные пожертвования клиентов. Нет, конечно, никто не собирался делать подарки брату с сестрой, но умение нагнетать обстановку и безупречно играть на страхах и опасениях, которые присутствуют даже у самых успешных людей, особенно в условиях окружающего всеобъемлющего финансового апокалипсиса, были использованы предприимчивой семьей почти по-булгаковски: они ничего не просили, благодарные жертвы их таланта все приносили сами. Разумеется, сыграла свою роль крайне небольшая вовлеченность детища Галины и Алика в обычные для тех лет финансовые процессы, протекавшие в докризисной России. Глупый инцидент со спекуляциями ГКО был на самом деле мелочью и неприятным недоразумением, но в условиях, когда вокруг все в лучшем случае было парализовано, а в худшем – валилось в тартарары, сама возможность продолжать обслуживать клиентские платежи казалась многим свидетельством невероятной устойчивости, а отсутствие серьезных потерь от пирамиды ГКО – примером дальновидности руководства банка. Подогревали эту безосновательную уверенность и безотказные помощники Галины – слухи и пресловутое сарафанное радио, которому в те дни стали доверять больше, чем тому, что вещали официальные СМИ. В итоге испуганные и обжегшиеся на опыте работы с другими банкирами руководители и хозяева выживших компаний, выслушав драматичный рассказ Галины о том, как сложно справляться с кризисом и не подводить клиентов, полупшепотом, заговорщицки сами намекали на готовность компенсировать все возможные материальные и даже моральные издержки, только бы и их счета исправно обслуживали. Настоящая хозяйка банка закатывала глаза, наигранно возмущалась, говорила, что ни о каких комиссиях не может идти и речи, особенно когда она имеет честь обслуживать такого уважаемого и достойного человека. Ну а лично ей и подавно ничего не надо. Лишь бы, как говорится, банк процветал и прирастал клиентами. Последние удивлялись, некоторые даже верили в бескорыстность деловой женщины, но неизменно обещали по возможности перевести еще несколько контрактов на обслуживание во Внештрансбанк, а заодно порекомендовать таких надежных и честных партнеров своим знакомым и коллегам. В этом и состоял их вклад в дело личной монетизации тех немногих преимуществ, которые оставались у владельцев банков в суровую кризисную пору. Не нуждаясь в прямых подачках и взятках, Галина и Алик самостоятельно решали, сколько из вновь привлеченных денег путем нехитрых финансовых схем обернуть в свой собственный доход, начав еще в те

времена собирать свою коллекцию недвижимости: Галина – в пределах родной страны, Алик, разумеется, – чуть поодаль. Конечно, о пентхаусах и виллах на берегу океана в те годы они могли еще только мечтать, но нескромные квартирки и дома в престижных районах Подмосковья и Средиземноморья уже привлекали их вполне платежеспособное внимание.

Настоящий наследник

Галина никогда не любила праздники. Выходные и тем более отпуска скорее тяготили ее, чем придавали новых сил и позволяли переключаться с рабочей рутины на отвлеченные эмоции и впечатления. Поэтому, с тех пор как Давид вырос и стал самостоятельным, она перестала ездить на море. Жару Галина не переносила, а суэта курортных городов ее раздражала. По-настоящему отдыхала она в рабочих поездках: бессмысленные на первый взгляд форумы и конференции становились плацдармом для завоевания новых клиентов, а значит, залогом появления новых денег, связей, новых ниточек, ведущих к другим клиентам. И так далее по бесконечному кругу.

Новый год тоже не пробуждал в Галине ностальгических воспоминаний и уж тем более не превращался в особый праздник, который дарил многим взрослым полузабытые детские ощущения беспричинной радости и ожидания чуда, которое якобы повинуются стрелкам часов на Спасской башне и начинается, как театральный спектакль с третьим звонком, после очередного удара курантов.

Но традиция есть традиция. Каждый год Алик организовывал праздник с размахом, поднимая планку все выше и выше, в зависимости от того, какими возможностями на этом этапе своего жизненного пути располагал. Располагал, надо сказать, в основном благодаря своей небольшой, но очень активной семье. Эту эстафету он перенял у отца, которого они с недавних пор даже в разговоре друг с другом называли просто «папка». Без имен, фамилий и... других возможных атрибутов.

Раньше это были шикарные вечеринки в их квартире на Ленинградке, где на столе можно было встретить то, что в доперестроечное время мог позволить себе не каждый партийный функционер: черную икру, французский коньяк, гуся с яблоками и финский сервелат. В последние годы, когда «папки» не стало, и надо признать – во многом благодаря тому, что его, увы, не стало, масштабы праздника существенно увеличились и перенеслись из квартиры в старый московский ресторан, который Алик получил как своеобразную контрибуцию за безвременный уход родителя.

Галина с мужем прибыли около десяти часов вечера. Она немедленно принялась изучать зал. Вокруг были, разумеется, в основном шалавы, мнимые и настоящие, разнообразные козлы и пьяницы.

– Это не вода, Миша, – мужа Галины на самом деле звали Марк, или Марик, но в семье его звали почему-то Мишей. – Опять нажрешься? Убью!

За долгие годы совместной жизни меланхоличный Марк-Миша давно привык к эскападам своей супруги и умудрялся ловко лавировать между собственными желаниями и ее требованиями, которые, к слову, всегда были сильно завышены. Ей мерещились мнимые грехи мужа, которые она намеренно преувеличивала. К примеру, пил он ничуть не больше и не чаще других, но если на Алика уговоры и гневные взгляды Галины уже давно (то есть никогда) не действовали, то Миша служил прекрасным громоотводом для тех переживаний и чаяний, которые она никак не могла донести до брата.

– Новый год же, Галин, успокойся, все нормально будет, – Миша попросил официанта остановиться, когда его рюмка была наполнена едва наполовину. – О, а вот и Алик.

– Вам что-нибудь налить? – молодой человек склонился над Галиной, которая с нетерпением всматривалась вглубь ресторана, где появился Алик со своей спутницей.

– Я не пью, – Галина бросила эту фразу в лицо услужливого юноши так, как будто он сделал ей какое-то непристойное предложение. – Заявился с этой шалавой!

Настоящая причина недовольства Галины, которое был вынужден проглотить не вовремя подвернувшийся под руку официант, заключалась в том, что сегодня ей придется терпеть

за столом не только пьющих больше меры мужчин, но и их женщин, которых ни она, ни их «мамка» не одобряли. Первой появилась Светлана – актриса и певица, которую сразу же узнавали сидевшие за столиками, отчего самодовольный Алик стал напоминать живое воплощение японской нэцкэ Хотэй. Впрочем, окружающим казалось, что это вовсе не реинкарнация смеющегося Будды, а улыбающийся Дэнни Де Вито. Что было для них еще удивительнее и, что греха таить, понятнее.

– Всем привет! – Алик поцеловал «мамку» и пожал руку зятю.

– Здравствуйте, с наступающим Новым годом! Счастья и здоровья! – Светлана, как настоящая и не очень талантливая актриса, бесспорно, долго репетировала свое появление, стараясь вжиться в роль жизнерадостной Снегурочки на странном взрослом празднике, где ее не рады видеть.

Но больше всего Галину заботила не Светлана. По меткому выражению матери, в какой-то момент они решили, что ради блага семьи Алику надо зачать «хоть от собаки», что несколько облегчало положение нежеланной невестки. Тревожил Галину Давид. Сегодня он снова придет с этой девчонкой. Галина умом понимала, что за время их общения с Анжеликой никаких реальных поводов быть недовольной своим поведением она так и не дала. Возможно, именно этот факт больше всего на самом деле и раздражал Галину, пробуждая в ней с удвоенной силой чувство ревности и ощущение потери контроля над сыном.

Вскоре Давид и Анжелика появились в ресторане.

– Вам что-нибудь налить?

– Воду, пожалуйста, – Анжелика бросила незаметный быстрый взгляд на Галину, которая уже успела было почувствовать легкое раздражение, приняв этот отказ за очевидную игру на публику, но внезапно насторожилась.

Что-то здесь не так. Анжелика хоть и тихая, воспитанная девушка, но все же явно не из тех, кто будет пользоваться такими примитивными методами завоевания расположения потенциальной свекрови. К тому же она достаточно умна, чтобы просчитывать последствия своих действий. Так что же здесь не так? Поразмыслив, Галина уже не на шутку встревожилась.

Но вскоре волна разнузданного праздника накрыла и их стол, заставляя родственников на время забыть о прочих проблемах. Повторяя за матерью, Галина зажимала уши и всячески демонстрировала свое недовольство шумом и обилием алкоголя. Разгоряченные и счастливые члены семьи выработали иммунитет к подобному поведению женской части и всю предавались веселью. Улыбался даже Миша.

– Ура! – изрядно захмелевший Алик поднял рюмку. – Давид, давай тост!

Галина, обладавшая невероятной интуицией не только в вопросах поиска клиентов, снова насторожилась и крепко сжала бокал с водой.

– Дорогие мои, – Давид тоже выпил и уже слегка путался в словах. – Я так рад, честно... Вот Новый год – это сказка! Пусть у всех все будет хорошо, и пусть мы запомним 2000 год навсегда, как...

– Кстати, новый век!

– Не-не, век еще не новый, но я должен вам сказать, что для кого-то он точно станет новым. Мам, пап, мы с Анжеликой поженимся, и у нас скоро будет ребенок! Ура!

– О! – Алик присел от восторга и, хлопнув ладонью о ладонь Давида, полез к нему обниматься.

– Вот это новость, сынок! – Миша потянулся к сыну через стол, разлив на скатерть стакан томатного сока.

– Аккуратно ты! – Галина со злостью хлопнула мужа по спине.

В этом ударе были эмоции, злость и лихорадочные мысли, которые вихрем носились в ее голове в этот момент. «Угадала... Сразу поняла. Вот так праздник, вот так подарок... Не расписаны, а уже ребенок. Даже не посоветовался. Что же дальше?»

Настроение Галины было окончательно испорчено. Продержавшись в опостылевшем балагане еще какое-то время, она вскоре настойчиво потребовала от Миши, чтобы тот закруглялся и собирался домой. Ушли они по-английски.

С тех пор прошло уже несколько месяцев, и Галина почти свыклась с неизбежностью произошедшего. Она приняла выбор сына, тем более что сопротивляться было поздно и, зная его характер, бесполезно. Ей даже удалось со временем найти в случившемся положительные моменты – в последние годы повзрослевший Давид уж слишком рьяно стремился идти по пути своего дяди, подражая его манере вести дела, жить и, разумеется, развлекаться. Если женитьба и рождение ребенка помогут ему остепениться, что ж... Галина была бы не против. Тем более что в деловых вопросах привлечь сына к скучной банковской рутине и отказаться от разнообразных «проектов» Алика ей никак не удавалось. Азарт и жажда риска все же были у него в крови.

Галина все яснее понимала, что бремя ответственности за будущее банка лежит целиком и полностью на ней. Учреждение, которое она с таким трудом выстраивала, интересовало и Алика, и Давида лишь постольку, поскольку оно давало возможность получать новые деньги и пользоваться привилегированным статусом банкиров, который особенно ценился в стремительно менявшемся обществе.

Обычно за финансовой помощью в их «проектах» приходил сам Алик, используя Давида лишь в крайних случаях в качестве безотказного аргумента в пользу неотложной необходимости выделить требуемую сумму. Но однажды сын пришел один.

– Мам, Петя познакомил меня с людьми. У них интересная ситуация. Корпоративный конфликт. Если им помочь, то можно не только комиссионные получить приличные, но и долю в одной крупной розничной компании. Ну знаешь, телевизоры, компьютеры, все такое.

– Ну, Петя-то знатный бизнесмен. Его, если что, папа героический отмажет, а ты-то куда лезешь в чужие конфликты? Молоко еще на губах не обсохло, а все туда же.

– Перестань. Да и там не то чтобы конфликт. Просто взаимное непонимание дальнейших перспектив развития. Я Альберту рассказывал. Он поддерживает. Говорит, что знает, кому эти акции потом можно будет продать, но я пока не решил, надо ли. Думаю, это интересный бизнес.

– А банк чем тебе не бизнес, интересно? Тут столько дел, продохнуть не успеваю.

– Мам, – Давид состроил кислую мину. – Это твой бизнес. Ты сама знаешь, что и как делать. Советчики тебе не нужны, а перекладывать бумажки из стопки в ящик и обратно я не хочу.

Галина вздохнула. Он был прав. Это был ее бизнес, но бизнес, который она все равно хотела когда-нибудь передать в его надежные руки. Позже, конечно. Когда он окончательно окрепнет, повзрослеет и поймет, что все эти «проекты» – «не хлеб», как она ему же сотни раз безрезультатно вдалбливала, так и не найдя понимания. Ничего, через пару лет поймет. В этом она не сомневалась.

Ну а пока оставалось лишь смириться с необходимостью помочь ему в этом постороннем конфликте. Она поговорила с Аликом, пообщалась с Петей, посоветовалась с нужными людьми и предсказуемо согласилась выделить требуемую сумму, продолжая заниматься своим делом в одиночку.

И дело это спорилось: цепочки клиентов тянулись уже в десятки различных концов и сплетались в сложные клубки связей и знакомств. Ее персональный метод работал безотказно. Едва встретившись с человеком, который мог представлять интерес, она тут же безошибочно определяла, как его можно использовать в дальнейшем. Кто-то становился руководителем компании и сразу попадал в перечень ее клиентских целей. У кого-то были связи в государственных органах. Ее особенный интерес вызывали те, что принято считать правоохранительными, где вчерашние лейтенанты, которым посчастливилось пересекаться с делами клиентов Галины, сегодня становились майорами, а завтра могли пойти еще дальше. На дол-

гом карьерном пути они чувствовали почти что материнскую заботу Галины, получая от нее все то же подобие праздничных заказов советского времени с обязательной водкой, крабами, икрой и небольшими конвертами, в которых лежали отнюдь не поздравительные открытки. Они, как и ее многочисленные клиенты, смеялись между собой, искренне недоумевая, зачем эта тетка шлет свой «банковский сухпай», но, сами того не замечая, приняв подношения, безвозвратно попадали в орбиту ее делового обаяния и интересов. Точно так же на крючки своеобразной клиентской политики Галины попадали главы пока что не самых крупных компаний и не самые богатые предприниматели. Но кто знает: завтра они тоже могут шагнуть вверх по служебной лестнице, а просто состоятельный бизнесмен со временем и вовсе превратится в олигарха.

Так, шаг за шагом, год за годом, кирпичик за кирпичиком, выстраивала она свой призрачный замок. Складывала взаимоотношения с проверяющими и контролирующими. Потакала прихотям клиентов и создала вполне дееспособную кредитную организацию, которая приносила неплохой доход.

Правда, в последнее время Галина все чаще тревожилась о том, что, сколько бы они ни зарабатывали, расходы все равно предательски росли с феноменальной скоростью. При этом Алик относился к этому как к вполне закономерному процессу. Еще недавно банк существовал благодаря тому, что он смог вытащить из запасов семьи, удовлетворяясь доходом, который приносил их совместный с Шуриком валютный бизнес. Однако теперь его амбиции непомерно разрослись, а возможности, которые открывали доступ к клиентским деньгам, все больше разжигали его и без того неумный аппетит. Банк оказался куда как более интересной игрушкой, чем банальный обменник с законной вывеской над дверью, ведущей в офис старого валютчика.

Галина с опаской смотрела на происходившие перемены и на каждом углу твердила, что чужого брать нельзя. Сетовала так называемым подругам из числа жен лучших клиентов на то, как какой-нибудь очередной выскочка слишком высоко взлетел и оторвался от реальности. Советовала сотрудникам не тратить деньги на бессмысленные, с ее точки зрения, вещи: отдых, поездки, рестораны – и тем более не спускать на ветер больше, чем можешь заработать. Однако все это было своеобразной рефлексией вслух. Так же, как попрекая почти непьющего мужа очередной якобы лишней рюмкой, она на самом деле сердилась на пьяного брата, так и в этом случае она высказывала окружающим все то, что не могла донести до Алика. Ее собственные запросы на этом фоне были, конечно, смехотворны, но, положив руку на сердце, положения тоже не улучшали. Галина успокаивалась тем, что, мол, так ведь все делают, да и ради чего еще взваливать на себя такую ответственность, которую не сможет оправдать ни одна зарплата? Она убеждала себя, что дело развивается, а значит, все еще с лихвой восполнится. Поэтому если сначала брат и сестра тратили только то, что заработали, то сейчас, когда заработок все не прекращался, они обнаружили, что можно тратить и то, что еще заработают, чтобы потом, разумеется, обязательно вернуть в закрома заранее потраченное. Но в какой-то момент горизонт возврата одолженного из будущих доходов начал неминуемо отодвигаться все дальше и дальше, и понять, успели ли они заработать и заработают ли вообще то, что уже потратили, стало просто невозможно. И Галина прекрасно понимала, что совладать с этим не может: однажды запущенный маховик чрезмерного потребления, увы, редко останавливается по собственной воле хозяина.

У них появились новые машины. Действительно новые, а не как раньше – выдавшие виды ветераны немецких автобанов. Дорогие и представительные. Они купили новые квартиры, впервые в жизни выбирая не то, что можно себе позволить, а то, что действительно нравится, и ровно там, где они хотели бы жить. Просторные и шикарные. Галина обзавелась неплохим участком на престижном шоссе рядом с лесом и рекой. Основное его достоинство для нее состояло отнюдь не в красоте окружающего пейзажа, а в расположении, благодаря которому часть бесхозной лесной земли можно было незаметно и, главное, почти бесплатно присоеди-

нить, чуть сдвинув границы забора. Метров на пять-десять, не больше. Что она благополучно и сделала. Алик же все чаще проводил время за границей, планируя потратить часть заработанного, или, вернее сказать, собранного в России, на далеких европейских берегах.

И все это благодаря банку, благодаря бессонным ночам Галины и бесконечным хлопотам о том, чтобы он не просто работал, но и по возможности развивался. Она гордилась корреспондентским счетом в одном из старейших банков Америки, на котором неизменно оседала треть банковских активов. На всякий случай. Раздавала клиентам золотые карты Visa, которые после казуса дефолтного года вновь исправно работали благодаря партнерству с крупным банком «СибУрал». Только от биржи и от FOREX, когда о них заговаривал очередной клиент, она старалась держаться подальше, строго-настрого приказав оставшемуся в казначействе кладистому Мирзе заниматься валютой только тогда, когда это нужно для покупки наличности. А нужно это было все чаще и чаще... И главным образом Алику.

Да, за те пару лет, что Галина Борисовна официально считалась главой банка, было сделано все, чтобы стать не хуже, чем другие. Но она прекрасно понимала, что, как бы ей ни хотелось покоя, прозябать в состоянии делового анабиоза, едва достигнув маломальских успехов, все равно долго не получится. Нужно двигаться дальше. Вот только куда? Точно она не знала, но интуитивно всегда находила верное направление. Поэтому от новых клиентов, которые постепенно становились близкими приятелями и знакомыми, не было отбоя.

Конечно, это требовало от Галины постоянного напряжения и порождало массу проблем, одна из которых все чаще не давала ей уснуть. Привлекая деньги, да еще и на столь щедрых условиях, она, как и все отечественные банкиры, панически боялась отдавать их нерадивым заемщикам (сплошь мошенникам) и уж тем более не горела желанием играть в азартные игры с инвестициями, памятуя о нервотрепке 1998 года. Но ведь деньги должны работать! Большинство ее коллег умудрялись начинать собственный бизнес, активно кредитую его деньгами клиентов. На это у Галины не было ни сил, ни знаний, ни фантазии, а все помыслы Алика сводились к тому, чтобы потратить деньги как можно быстрее и желательно так, чтобы потом никто не нашел их следов. И тогда она вновь вспоминала о сыне. Конечно, он не стремился становиться промышленником и пока что не мог предложить серьезных идей, куда можно вложить оставшиеся после оплаты всех расходов и издержек деньги клиентов. Но тем не менее Давид от природы обладал деловой хваткой и обаянием, которые в будущем могли сильно пригодиться. Главное, чтобы он пошел по нужному ей пути, не сбиваясь на обаяние сомнительных перспектив, которые рисовала перед ним авантюрная фантазия Алика. Вот взять хотя бы тот непонятный конфликт и свалившиеся на него акции сети электронных магазинов. Не нравился ей этот проект, и вдвойне пугал энтузиазм брата, который так рьяно принялся помогать Давиду.

Но ее совета никто уже не спрашивал. Галине оставалось в меру сил и возможностей бороться за влияние на собственного сына и ждать, когда же он наконец наиграется и поймет, что их главное дело – банк. «Надо просто немного подождать. У него вся жизнь впереди...»

Они, как обычно в это время, сидели в небольшой столовой, где помещалось лишь несколько столов, и все сотрудники, вне зависимости от должностей, покорно дожидались своей очереди, чтобы пообедать тем, что приносили из дома или покупали в соседней кулинарии. Для руководства был выделен отдельный неприкасаемый стол, начало сервировки которого стало верным сигналом для остальных, что нужно побыстрее заканчивать немудреную трапезу и постараться не попасться на глаза президенту. За порядком и чистотой следила специально нанятая женщина, которую между собой все называли кухаркой, хотя ничего сложнее кофе она никогда не готовила.

– Давид, ты почему ничего не ешь?

Сын в последние дни был бледным и раздражительным. Галина вошла в столовую как раз в тот момент, когда он, не притронувшись к полной тарелке с едой, о чем-то напряженно говорил с Аликом.

– Что у вас там опять? – Ей определенно не нравились и этот разговор, который мгновенно прервался, стоило ей появиться в дверях, и непривычно настороженное лицо брата. – Что случилось, я спрашиваю?

– Все нормально, – Алик взял Давида под руку и повел в свой кабинет.

Галина, которая едва успела присесть на свой стул, тут же бросила вилку и бросилась вслед за ними.

– Галина Борисовна, вам кофе в кабинет принести? – кухарка замолкла на полуслове, замерев с чайником в руке, после того как поймала на себе резкий взгляд начальницы, похожий на тот, каким смотрит на охотников затравленная волчица, защищающая свое потомство.

Ее интуиция вновь работала в режиме тревоги. Что-то было не так.

Она ворвалась в кабинет Алика и, несмотря на протесты, потребовала рассказать, что происходит.

Никто толком не знал, о чем тогда говорили за закрытыми дверьми. Многие предполагали, а еще больше людей откровенно выдумали обстоятельства, которые так встревожили Алика и стали роковыми для Давида и Галины. Спустя годы точного ответа не знает никто, кроме тех, кто был тогда в кабинете и, разумеется, тех, кто и стал виновником произошедшего. Говорили, что Давид влез в какую-то историю с серьезными людьми, которые не прощали, когда их подводят. Утверждали, что Алик пообещал что-то не менее важным партнерам, но не смог выполнить обещание и тем самым навлек их гнев на племянника.

Несколько недель после этого сотрудники видели Галину Борисовну растерянной и взволнованной. Они часто закрывались с братом в кабинете, и даже самые срочные дела в такие моменты отходили на второй план: заслышав шум голосов, исходивший из-за закрытой двери, никто из сотрудников, даже Татьяна, не решался их потревожить.

Давид в банке почти не появлялся, а Алик приезжал только для того, чтобы переговорить с сестрой, и тут же исчезал.

– Салют! – Мирза, как всегда по утрам, был в приподнятом настроении и уже почти проскочил мимо секретариата, небрежно махнув рукой в сторону болтавших о чем-то женщин, когда его окликнули.

– Мирза! Стой! – Аня, принятая на работу почти одновременно с ним несколько лет назад, внезапно выскочила из-за стола, в спешке ударившись о его край. – Блин! Больно... Ты не знаешь, где главная по хате? – вульгарный юмор был визитной карточкой немолодой секретарши, но сейчас он звучал неуместно и был явно смешан с неподдельным волнением женщины. – Ей с утра все названивают. Она трубку не берет, даже мобильный сбрасывает. Говорят, что-то случилось.

– Я вообще без понятия. Да что могло случиться...

Но безразличная уверенность Мирзы была ошибочной. Ночью Давид оказался в больнице, а Галина Борисовна, не смыкая глаз, провела там весь следующий день, так и не приехав на работу.

Слухи наполнили коридоры банка, но ничего внятного о происходившем не знал никто. Кто-то слышал, что у Давида, который из-за стресса в последние дни неважно себя чувствовал, началось обострение какой-то болезни. Изредка заглядывавшие клиенты из числа знакомых Галины Борисовны что-то знали про экстренные поиски плазмы и срочную операцию. Другие шептались о каком-то ночном происшествии, но точно можно было сказать только одно – дело шло о жизни и смерти. И когда хозяйка банка с растерянным и пустым взглядом спустя пару дней все же пришла на работу, никому из подчиненных и в голову не могло прийти поинтересоваться у нее, что же происходит на самом деле. Ее глаза говорили сами за себя. Она ждала и,

судя по всему, ждала чего-то страшного и почти неизбежного. Алика в банке не видели ровно с того момента, когда стало известно о госпитализации Давида. Поговаривали, что его давно нет в стране.

На дворе уже стоял июль. В напряженном неведении и ожидании неизвестного прошли еще несколько дней, остававшихся до дня рождения Внештранса.

Галина Борисовна шла по коридору в прострации и практически не реагировала на попытки сотрудников поздравить ее с пятилетием банка. Навстречу ей вышла Татьяна, которая держала в руке расписанную в стиле народных промыслов деревянную коробку с подарочной бутылкой водки внутри.

– Галин, смотри, какую красоту сделали... Что с тобой?

Галина зашла в кабинет, не обратив внимание на сувенир, дизайн которого так долго и придирчиво утверждала в преддверии первого серьезного юбилея банка.

– Давиду совсем худо, – она рухнула в кресло, не глядя на Татьяну, – ночью был кризис, но он выкабался. Мой мальчик...

– Ой, господи, – Татьяна, похоронившая несколько лет назад мужа, знала, что никакие слова поддержки тут не помогут. – Едь к нему. А как Анжела?

– Не знаю я, как она, – огрызнулась Галина каким-то своим мыслям, которые были явно далеки от вопроса Татьяны, – сейчас поеду. Надо было встретиться с Сашей, я заехала по дороге и... сегодня же юбилей, я не могла не приехать. Надо сказать Мирзе, чтобы купили угощение для коллектива.

– Забуди! Мы без тебя справимся. Сейчас не это главное.

– Ну как же без меня...

В это время на другом конце Москвы из палаты Анжелики вышел доктор.

– Мама, приезжай скорее, врач сказал, что уже скоро. Как Давид, не знаешь? Он не берет трубку. Мне сказали, что он заболел и ему нельзя ко мне из-за карантина. Что-то простудное. Или даже пневмония?

Наверное, в эту минуту и случилось то, что предопределило дальнейшую судьбу не только Галины или Алика, но и сотен других людей, многие из которых в тот момент еще даже не догадывались об их существовании.

Галина любила читать классическую литературу, но не переносила писательские шаблоны и длинные нудные описания драматических перипетий сюжета. Гротескные переживания действующих лиц, фанерные образы убитых горем персонажей, описание которых автор для усиления впечатления неумело приправляет фразами о том, как слова буквально оглушили героя или как мир вокруг него перевернулся и для него погас солнечный свет, – все это было ей чуждо и казалось надуманными клише бесталанных писателей. Но именно так и произошло в реальной жизни, когда в телефонной трубке прозвучал голос врача:

– Крепитесь, Галина Борисовна. Его больше нет.

– Спасибо, – она неосознанно произнесла это бессмысленное слово и стала, едва шевеля губами, повторять ласковые фразы, которые так часто говорила сыну в детстве на родном, но чуждом языке предков.

Она замолчала, мгновенно почерневшее лицо внезапно исказила гримаса боли, и сдавленный хрип, вырвавшись откуда-то из глубины, переродился в беззвучные рыдания. Рухнуло все: прошлое, будущее. Настоящее стало бессмысленным продолжением только что прервавшейся истории ее подлинной жизни. Ни жива и ни мертва, Галина сидела в кресле, не в силах двинуться с места, что-то сказать или набрать номер матери. Да и какой в этом теперь был смысл? Торопиться было уже некуда и незачем. Ничего не имело значения. Времени не было. Она сама растворилась в абсолютном горе.

Многие годы после этого никто и никогда не видел ее слез. Именно в этот момент закончилась прежняя жизнь Галины Борисовны и началась настоящая история Внештрансбанка,

которому уже не суждено было оставаться заурядным семейным предприятием, потому что семья в ее истинном виде просто перестала существовать.

С тех пор больше никогда день рождения банка не праздновался в правильную дату, которая, по странному стечению обстоятельств, случающемуся в жизни гораздо чаще, чем в сценариях нерадивых писателей, совпала с днем смерти Давида.

Спустя несколько часов на свет появился ее внук – Артур, которому так и не суждено было увидеть самого родного человека. Непреходящая боль утраты, поселившаяся в тот день в душах близких ему людей, навсегда превратила первый светлый праздник в отголосок давней беды. В его настоящий день рождения в их семье вместо праздничных зажигали поминальные свечи. Первые три дня жизни Артура перестали существовать. Смерть украла их, оставив в записи о рождении следы вынужденного обмана. Но можно ли кого-то обвинять в этом невольном воровстве? Пожалуй, это был самый безобидный и необходимый подлог в странной истории знаменитой семьи.

Часть 2

Восход

Первый среди равных

– Ну, что вы думаете об этом парне, Мирза? – Галина Борисовна обращалась ко всем подчиненным мужчинам исключительно на «вы».

– Нормальный вроде. Посмотрим, Галина Борисовна. Я знаек не люблю, вы же знаете. Умничать у нас не надо, надо работать. Но этот вроде ничего. А вообще – как скажете!

Стас ничего не знал об этом разговоре и мог только догадываться о том, как решалась его судьба до того, как ему сообщили о положительном итоге столь необычных собеседований. Озадаченный увиденным, он и сам пытался оценить едва знакомых людей, которым было суждено изменить его жизнь и на долгие годы войти в нее.

Если бы фильм «Жмурки» с колоритным россиянином в исполнении Сиятвинды вышел на экраны на несколько лет раньше, Стас наверняка подумал бы, что сценарист придумал образ своего персонажа после встречи с Мирзой. Конечно, доведись Ратникову учиться в Университете дружбы народов или хотя бы прознать в голодные времена студенчества о волшебной шаурме индийских кулинаров из местной столовой, необычных впечатлений от первого знакомства с чересчур русским иранцем у него наверняка поубавилось бы. Но Стас учился в финансовом институте, где приходилось удивляться не обилию людей с экзотической внешностью, говорящих на отборном русском языке, которому позавидовал бы сам Ерофеев, а количеству студентов южной наружности, которые на государственном языке, напротив, почти совершенно не изъяснялись. Многие из них, к слову, были отличниками.

Мирза Саджади в РУДН никогда не учился, но, как и многие тамошние студенты, являлся иранцем лишь наполовину. Его отец был иранским коммунистом, а мать, как было принято шутить в советские времена, в графе национальность писала «русская», хотя ее девичья фамилия недвусмысленно намекала на присутствие в родословной семитских кровей. В общем, смесь вышла гремучей.

После начала исламской революции 1978 года отец Мирзы, который возглавлял крупный нефтеперерабатывающий завод, счел за благо воспользоваться связями в Советском Союзе и вывезти семью с семилетним сыном в Москву к родственникам жены. Неизвестно, какими бы были перспективы стойкого марксиста в исламской республике, но представить Мирзу свято соблюдающим законы шариата Стас при всем желании не мог. Благодаря регулярным летним поездкам к родственникам матери в Краснодарский край юный житель Ирана, как губка, жадно впитывал романтику советской дворовой жизни, которая никак не вязалась с идеалами исламской революции.

По мнению самого Мирзы, скорее всего, его расстреляли бы за нарушение сухого закона, хотя, останься он на родине, вкус алкоголя навряд ли стал бы для него таким знакомым и почти родным. Но, перебравшись в Союз, он, как любой советский школьник, уже в старших классах безошибочно определял производителя портвейна и плодоягодного вина, не глядя на тару.

Бывший член партии народных масс Ирана со временем наладил быт семьи в Москве и трудился в Агентстве печати и информации в качестве переводчика с фарси и арабского языка.

Мирза же, поднаторевший в мелких коммерческих делишках на волне кооперативной эйфории конца Перестройки, выделялся среди своих сверстников лишь необычным персид-

ским профилем, который выигрышно смотрелся на фоне среднестатистических лиц однокурсников, когда дело касалось покорения сердец беззаботных подружек его молодости.

В РУДН Мирза действительно не учился, хотя для многих это казалось очевидным и заранее определенным путем получения образования и ассимиляции для любого иностранного выходца. Прежде чем его нога ступила на порог Внештрансбанка, ему пришлось в поисках призвания пройти многочисленные и суровые университеты жизни, которые наполнили его память разносторонними и оказавшимися абсолютно ненужными знаниями и навыками.

Свой последний судьбоносный шаг Мирза сделал уже после того, как закончил Институт стран Азии и Африки МГУ, в который попал после долгих мытарств выбора между стоматологическим училищем и геологоразведочным институтом. Несколько курсов обучения в последнем пополнили его и без того богатую и яркую фольклорную коллекцию, зародившуюся еще во времена краснодарских каникул, превратив ее в истинный кладезь матерных частушек, похабных анекдотов, присказок и поговорок. К сожалению, творческие наклонности Мирзы никак не удавалось оценить ни стоматологам, ни геологам, которые последовательно, но небезосновательно утверждали, что эти таланты в их профессии не пригодятся, а нежелание учиться по профилю, несмотря на любовь к долгим полевым экспедициям, увы, не оставляет их нерадивому студенту никаких шансов на успешное завершение обучения. И Мирзу выгоняли. В ИАА, конечно, не было романтики дальних поездок в поисках новых минералов, но обаяние вояжей на картошку последних лет жизни в обществе развитого социализма еще присутствовало. Копание в грязи, антисанитария, необходимость пить сомнительный самогон из еще более сомнительной общей посуды ничуть не смущали молодого Мирзу, но оставили неизгладимый след в его сознании. С тех пор он стал не просто осторожен в вопросах гигиены, а патологически брезглив, со временем дойдя до клинической стадии излишне бережного отношения к собственному здоровью.

Получив диплом, советский иранец, как и все выпускники середины 90-х, прекрасно понимал, что толку от этой картонной книжицы нет никакого, и поэтому с поиском места для применения приобретенных навыков не спешил. Если бы в один прекрасный майский день его однокурсник и будущий коллега не позвал своих друзей по институту на дачу, возможно, поиски, если бы они когда-нибудь и начались, привели Мирзу в какое-то другое достойное заведение, но судьбой ему было уготовано занять особое место в истории именно Внештрансбанка.

На его порог он пришел отнюдь не с пустыми руками. Он оберегал два ящика импортного пива, приобретенного у знакомого барыги по сходной цене в ларьке недалеко от рынка в Лужниках. Дело в том, что самого Мирзу во Внештрансбанке никто не ждал. Его товарищ, также приглашенный за город, с которым они собирались добираться туда вместе на электричке, по воле рока именно в этот пятничный день должен был прийти по рекомендации друзей своих родителей на собеседование в недавно созданный банк. Тащить в кабинет президента банка дефицитное пиво он разумно посчитал бестактным прологом для начала карьеры и поэтому попросил приятеля посторожить ящики внизу.

Приятель особой бережливости к содержимому рюкзаков не проявил и успел выпить банку прохладного чешского напитка, когда охранник, ответив на внутренний звонок, вдруг окликнул его.

– Парень, ты Мирза Сад... Саджади, что ль?

– Саджади. А что, еще кто-то есть вокруг? – Мирза недоверчиво посмотрел на человека в форме и, громко икнув, поинтересовался: – Чего надо-то?

– Я думал, это таджичку какую-то зовут, а тут только ты стоишь. Иди наверх, тебя вызывают.

Оказалось, что банк остро нуждался в людях, а обманчивая надпись МГУ в дипломе товарища Мирзы вкупе с его пламенной рекламной речью об уровне образования и способ-

ностях бывшего однокурсника произвели на Галину Борисовну благоприятное впечатление. Одному богу известно, как она не учуяла запах пива, которое буквально за десять минут до импровизированного собеседования употребил этот застенчивый, тихий и воспитанный перс, неуклюже переминавшийся перед ней с ноги на ногу. Ей показалось, что он испытывал мандраж перед лицом руководителя солидного учреждения, что, по мнению Галины Борисовны, несомненно подтверждало слова товарища о его достоинствах и природной скромности. Спустя четверть часа Мирза получил предложение присоединиться к молодому коллективу дилинга, где, как подсознательно чувствовала Галина Борисовна, сплотилась излишне, в ее понимании, дружная команда, которую надо было бы разбавить посторонним человеком, который в перспективе мог стать «своим».

Времени на размышления не было, тем более что причины притаптывания на месте были связаны отнюдь не с мандражом, как полагала странная женщина, задававшая вопросы про семью и происхождение, а с действием выпитой на жаре банки пива.

– Я очень благодарен за предложение. Я обязательно подумаю, – врожденное обаяние и привитое матерью убеждение в необходимости неукоснительно соблюдать этикет в строго ограниченные и особо важные промежутки времени дали о себе знать, несмотря на психологические и в первую очередь физиологические обстоятельства ситуации.

После двух дней буйного празднования дня рождения однокурсника Мирза с трудом приходил в себя, пытаясь собраться с мыслями после того, как вредная младшая сестра разбудила его ни свет ни заря, громко хлопнув дверью, когда уходила утром в институт.

– По голове себе постучи лучше! – строго ограниченные промежутки времени для соблюдения правил этикета и банальных норм приличия на сестру, разумеется, не распространялись.

Причина недовольства родственницы крылась в событиях минувшего дня. Воскресным вечером к ней впервые в жизни приехала подруга детства из Краснодарского края, которую она долго уговаривала остаться пожить у них. Кроткая девушка очень стеснялась, но приглашение приняла. После ужина, когда мать и сестра Мирзы собрались вместе с гостьей на кухне, чтобы провести время за душевной беседой, дверной звонок стал разрываться от настойчивых прикосновений запоздалого визитера. Через мгновение, сметая все на своем пути, в квартиру ворвался Мирза, стремительно направившийся к туалету, где его громко и яростно стошнило. Неловкая ситуация постепенно улеглась, как и загулявший за городом старший брат, который теперь громко храпел в своей комнате. Краснодарская подруга застенчиво улыбалась и смотрела в блюдце, когда в дверь опять начали ожесточенно трезвонить. На сей раз в похожем состоянии в квартиру ввалился почти никогда не пивший отец, вернувшийся с воскресного заседания бывших членов партии Туде... Вечер был окончательно испорчен, а подружка, чьи глаза постепенно расширились до размеров блюдца, в которое она все еще неотрывно смотрела, дабы, не дай бог, не привлечь к себе внимания этих алкашей, поспешила сообщить, что завтра ей надо обязательно переехать к двоюродной тете, жившей у черта на рогах за МКА-Дом. Сестра Мирзы предприняла несколько отчаянных попыток убедить подругу, что это всего лишь досадное недоразумение, но вскоре, крайне расстроенная, признала поражение, обвинив в нем нерадивых родственников.

Сам Мирза ничего из событий прошедшего вечера, разумеется, не помнил. Все, что волновало его в данное мгновение, было сосредоточено в холодильнике и ванной комнате.

В это время, как назло, зазвонил телефон.

– Ну ты где? К двенадцати нас ждут в банке с документами.

– Каком банке? – Мирза, крайне недовольный своим отражением в зеркале, не понимал товарища. – А! С этой теткой странной?

За прошедшие с момента их встречи два дня ни о какой карьере банкира и перспективах трудоустройства Мирза, разумеется, не размышлял. За окном светило солнце, большинство

его знакомых неплохо зарабатывало, не связывая себя никакими трудовыми обязательствами с сомнительными женщинами, возглавлявшими никому не известные банки. Впереди было целое лето и целая жизнь. Выбор казался очевидным.

– Ладно, одеваюсь, – последовательность и логичность поступков, особенно в таком вялом состоянии абстинентного сознания, в котором он пребывал тогда, никогда не были коньком Мирзы.

Так он стал сотрудником дилинга Внештрансбанка, в обязанности которого... Впрочем, что именно входило в его обязанности, не понимал, пожалуй, никто. Ни он сам, ни те, кто эти задачи формулировал. Мирзе предстояло просто стать своим человеком в стане потенциального противника. Занозой в сплоченном коллективе, которому не доверяла Галина Борисовна. Но со временем Мирза вжился в эту роль, привык к атмосфере управляемого хаоса и как нельзя лучше вписался не только в эту странную бизнес-модель, но и в не менее удивительную систему жизненных принципов хозяйки банка, который стал для него настоящим домом, семьей, смыслом и способом существования.

Вплоть до того, как Мирза примерил на себя роль руководителя казначейства, оставшись после кризиса 1998 года его единственным сотрудником, он ходил на работу в джинсах и разнообразных рубашках. Но после женитьбы и повышения потомок персов и семитов остепенился – на нем всегда были выглаженные брюки и синяя сорочка без галстука с обязательно поддетой под нее белоснежной майкой. Это стало если не своего рода униформой, то знаком отличия Мирзы, по которому его положение в банке безупречно определяли все сотрудники: ни одному другому мужчине ходить на работу без галстука не позволялось. Дополнительным атрибутом его близости к властям предержащим стала трубка переносного телефона, которая позволяла всегда находиться в зоне доступности для руководства.

Рубашки однообразного синего тона или предельно близкого к нему оттенка всегда были идеально чистыми и выглаженными. За этим строго следил сам Мирза, не допускавший жену до хозяйственных дел не столько из соображений заботы о женской красоте и свежести девичьей кожи, которым могли угрожать постирочные процедуры, сколько из недоверия к способностям окружающих в принципе. «Если хочешь сделать правильно, сделай сам», – это широко известное выражение стало его жизненным кредо, к которому он, правда, добавил кое-что от себя: «И после этого обязательно тщательно вымой руки». С течением времени этот подход к способу достижения сиюминутной гармонии, увы, был доведен до абсурда. Вся жизнь его семьи была сначала ужата, спрессована и загнана в разнообразные шаблоны, а затем встроена в четко расписанный и заранее предопределенный график, который оставался неизменным многие и многие годы и включал в себя всевозможные детали быта: от меню на ужин до поездки в турецкий отель.

Но в тот год ни Стас, ни сам Мирза даже не догадывались о том, какое будущее их ждет.

– Зайдите в кассу, пожалуйста, – этот звонок по внутренней линии застал Ратникова врасплох. Он еще толком не знал никого из сослуживцев и, будучи от природы стеснительным, слегка смутился от непонятного требования незнакомой кассирши, которое было произнесено голосом завуча школы.

– А зачем это, не знаешь? – с опаской обратился он к Мирзе, который праздно развалился в видавшем виды потертом кресле.

– Как зачем, зарплату получай.

– Так я работаю-то всего неделю.

– Иди, не болтай. Я этого не люблю! Говорят, получай, значит – получай.

– А тебе не надо в кассу случайно? – Стас надеялся, что начальник составит ему компанию, чтобы не ступешаться в обществе незнакомых людей.

Именно тогда, получив почти две тысячи рублей, Стас наконец узнал размер зарплаты, о котором он так и не решился спросить раньше. Оказалось, отныне он мог рассчитывать

на регулярный доход в размере двухсот пятидесяти долларов США. По правде сказать, это было необычно и непривычно, но чертовски приятно. И причина была не только в том, что до этого момента ради получения гораздо меньшей суммы ему приходилось почти ежедневно проводить бессонные ночи, стряпая незатейливые очерки в ежемесячные журналы о новостях спорта или делая веб-страницы, называть которые сайтами в полном смысле этого слова было бы неверным. Дело было в том, что все эти заработки были нерегулярными и негарантированными. Уверенно рассчитывать можно было только на копеечную стипендию, которой не хватало даже на обеды в институтском кафе. Мизерный и непостоянный доход не мог дать ощущения уверенности в завтрашнем дне, от которого Стас начал постепенно отвыкать, едва детство, помахав рукой, скрылось за школьными дверями. Поэтому каждое посещение бара, кинотеатра или другого увеселительного заведения вместо удовольствия со временем стало порождать в его душе страх за будущее: если он потратит деньги сейчас, то через неделю прийти сюда, вероятно, уже не получится? Что же он будет тогда делать? Этот вопрос тревожил его и не давал по-настоящему расслабиться. Нелепый диссонанс между желанием тратить на удовольствие здесь и сейчас и страхом лишиться этой возможности в будущем теперь разрушался на глазах. Конечно, даже этих денег не хватит на то, чтобы обновить гардероб или отправиться в вожаденную со школы поездку на море, но двести пятьдесят долларов Стас получит в любом случае, и при этом сил и времени, как стало понятно в первую же трудовую неделю, на это будет уходить гораздо меньше, чем раньше на всю писанину и дизайнерские потуги в Сети. Тогда он еще не знал, что старик Маслоу и его пирамида ценностей и потребностей, увы, – не досужий скучный вымысел из учебника экономической теории, а вполне реальная история. Спустя несколько месяцев регулярная получка перестала приносить безотчетную радость, а денег снова стало катастрофически не хватать.

Но эйфория первых дней захлестнула Стаса, вбрасывая в кровь эндорфины от осознания нового материального статуса и пробуждая азартную тягу к генерации различных идей, которыми он старался отблагодарить новое место работы за незаслуженное вознаграждение. В этот биохимический коктейль была замешена и щепотка психологии, состоявшая из серьезной дозы амбиций, тщеславия и безграничной и необоснованной уверенности в собственных силах.

Благо направлений для развития бурной деятельности, которая, как Стас понял чуть позже, слегка раздражала привыкших к размеренному течению рабочих будней коллег, было предостаточно.

Почти все свое время Ратников проводил в кабинете с Мирзой. Его роль в сложной, почти семейной иерархии банка была все еще не до конца понятна новичку. Да, он был единственным, кому позволялось ходить на работу без пиджака и галстука. Да, он был единственным, кого периодически вызывали в кабинет руководителя и с которым по-свойски общались даже вице-президенты, казавшиеся рядовым сотрудникам суровыми небожителями. Но почему – Стас этого так и не понимал.

При этом круг обязанностей коллег по дилингу был довольно скуден: утром надо было сверить позицию по ликвидности, провести, в случае острой клиентской необходимости, возникавшей почти каждый день, банкнотные сделки, а после обеда, снова сверившись с бухгалтерией, закрыть разрыв, привлекая или размещая казавшиеся вчерашнему студенту огромными суммы в тридцать—сорок миллионов рублей. При этом работали они исключительно с парой —тройкой одобренных Галиной Борисовной банков-контрагентов, с хозяевами каждого из них она была знакома лично.

Все эти рутинные действия, требовавшие от дилера всего лишь нажать на монструозной клавиатуре Reuters Dealing несколько заранее запрограммированных клавиш, вытерпеть жуткий скрип и треск специального матричного принтера и потом разнести бело-розовые полупрозрачные листки перфорированной бумаги по отделам, повторялись каждый день. На этом, казалось бы, рабочие обязанности заканчивались. Но Стас ошибался.

Едва ли не в первую неделю его пребывания на работе, когда Мирза окончательно убедился, что новый сотрудник не такой уж занудный знайка, потому что с радостью разделил с ним дневную порцию виски-колы, к ним поступило важное задание.

– Мирза, – тонкий скрипучий голос одной из секретарш Галины Борисовны задорно вырывался из трубки, – ком цу мир.

– Это не Мирза, – смутившись, ответил Стас. – Что-то передать?

– Ой, а кто это? А, блин, забыла, извини. Скажи, чтобы собирался. С ЗИЛа звонили.

Немного не поняв, при чем тут автозавод и дилинг, но решив, что речь идет о каких-то деловых переговорах, Стас сообщил о звонке вернувшемуся из туалета начальнику. Этот обыденный для большинства людей процесс для Мирзы превращался в настоящий ритуал, который с годами все более усложнялся и играл всеми гранями обсессивно-компульсивного расстройства, о существовании которых до выхода фильма «Авиатор» никто, разумеется, еще не подозревал.

– Поехали, – закончив тщательно вытирать руки, Мирза хлопнул в ладоши.

– А что надо будет делать?

– Да ничего, мы двери в дополнительный офис железные заказали, посмотреть надо.

Эта неожиданная для специалистов финансового рынка задача несколько удивила Стаса, но остатки зародившегося еще при приеме на работу энтузиазма заставили его отринуть сомнения и ненужную рефлексию на тему взаимосвязи металлических дверей и темы преддипломной практики.

Еще больше он удивился, когда выяснил, что Мирза, уже опустошивший свой стакан с виски и колой, собирается ехать за рулем. Причем за рулем удивительного автомобиля – изумрудной «пятерки» BMW с механической коробкой передач.

Считая всех банкиров страны людьми весьма состоятельными, особенно после того, как ему озвучили размер его собственной зарплаты, Стас был абсолютно уверен, что это не старая немецкая развалюха, а некий автомобильный раритет, который его непосредственный руководитель, вероятно, коллекционер, приобрел в свой обширный ретро-парк. Однако вид абсолютно лысой резины и нежелание изумрудного раритета заводиться ни с первой, ни со второй попытки развеяли иллюзии. Окончательно разрушил эти наивные предположения сам Мирза:

– Достала уже, выкидывать пора.

Что же, возможно, это был первый, но далеко не последний случай, когда Стасу довелось усомниться в казавшихся безусловными еще вчера прелестях карьеры банкира.

В длительных перерывах между нажатием кнопок I SELL и I TAKE под шум принтера и звон стаканов он писал объемные теоретические трактаты на тему развития портфельного инвестирования и применения теории Шарпа к зарождавшемуся тогда направлению интернет-трейдинга.

Галина Борисовна терпеть не могла ни ценные бумаги, ни интернет, который, как подсказывала ей безотказная интуиция, еще доставит банкам массу хлопот. Тем не менее пространные пассажи она читала и всегда находила повод что-то раскритиковать.

– Знаю я вашего Шарпа, вы что, думаете, я дура, что ль? Нашлись тоже мне... – когда аргументации не хватало, она мгновенно прибегала к безотказному приему. – Яйца курицу учат. Я, между прочим, на Нью-Йоркской бирже была, когда вы еще под стол ходили, умники.

Конечно, все эти новшества претили ей и не укладывались в сложившуюся концепцию ведения дел: келейность, или, как было модно говорить чуть позже, кептивность, была для нее абсолют, средневековой догмой в ее персональном храме денег. Тем не менее интуиция, главный фактор и безусловный талант, побуждавшие ее к действию порой вопреки житейской логике, настойчиво требовала соблюдать видимость развития согласно общим тенденциям и банковской моде того времени.

– Вы не переживайте, – говорила она любому потенциальному клиенту, которого, как правило, приводил другой, довольный и лоснящийся от удовольствия, ранее приведенный еще одним таким же. Цепь благополучия могла быть очень длинной. – У нас, между прочим, все онлайн.

Что именно у них онлайн, заранее подготовленную «жертву» банковского обаяния Галины Борисовны не интересовало. Все их помыслы концентрировались на рассказах о том, какие поистине фантастические условия предлагал банк в лице своего бессменного руководителя новым, но мгновенно становившимся эксклюзивными клиентам. В них было мало общего с классическими продуктами финансовой индустрии, но в уникальности им отказать было сложно. Ради этого можно было вытерпеть непонятные рассказы про какие-то «онлайны», прослушать лекцию о правилах личной жизни и необходимости беречься от шалав, ради которых, собственно, многие клиенты в почтенном возрасте и готовы были рискнуть, чтобы наконец получить возможность тратить чуть больше на любовниц, чем они могли позволить себе тратить многие годы на законных жен. Или гораздо больше. Тем более что рисковали они не собственными деньгами, а вероятностью понести ответственность перед какими-то другими органами за растрату в ту священную эпоху начала нулевых была обратно пропорциональна плате за риск, которую предлагали щедрые банкиры.

Так постепенно дилинг пополнился еще одним «онлайном» – компьютером, на котором было запрещено размещать что-либо, кроме программы доступа на Московскую межбанковскую валютную биржу «Альфа-директ». Программа была абсолютно новой, и по неизвестной причине крупный частный банк, видимо, проникнувшись наивной активностью человека, представлявшегося старшим дилером, решил предоставить ее для бета-тестирования именно во Внештрансбанк. Мирза воспринял эту новинку скорее как дополнительное развлечение, вроде игровой экономической стратегии, Стас же безумно гордился своим первым взрослым «проектом».

– Ну вы смотрите, осторожнее тут, – куда именно смотреть и чего опасаться, типичный компьютерщик с усами, в очках и, видимо, как и большинство из них, без регулярного доступа к баннным процедурам не уточнял.

В этот момент в дилинг вошел третий участник регулярных обсуждений текущей ситуации на финансовых рынках за бокалом зловонной смеси из колы и второсортного пойла под названием Canadian club, называть которую коктейлем было настоящим кощунством. Николай был всегда в приподнятом настроении, даже если для этого не было никаких видимых оснований. Оптимистичный и кучерявый, насколько знал Стас, он занимался чем-то вроде клиентской работы или оформления пластиковых карточек. Но это было не точно, так как в основном его можно было наблюдать в банке либо за чтением «Спорт-экспресса», либо в кабинете дилинга с дробниками в руке. А чаще всего его вообще не было на рабочем месте. Именно он отмечал тот памятный день рождения, перед которым затарившийся пивом Мирза впервые пришел во Внештрансбанк. Их общий однокурсник, ставший невольным «виновником» начала их банковской карьеры, проработал в банке всего несколько лет, так и не поняв его истинного предназначения в финансовой системе России. Мирза, пользуясь своим окрепшим авторитетом в глазах Галины Борисовны, в свою очередь пригласил другого институтского товарища составить ему компанию – уже в качестве коллеги по работе.

– Здорово, перцы, – через несколько мгновений после появления с чашкой кофе Николай взялся за дробники и начал, ненавязчиво о чем-то болтая, всаживать их в противоположную от двери стену. – Надо на рынок съездить, телкам купить на вечер жрачки.

Такой незатейливой и предельно четкой формулировкой Николай, которого даже возрастные коллеги чаще звали Коляном, напомнил, что сегодня канун Восьмого марта. Первый в дуплете весенних праздников – День защитника Отечества – Стас благополучно пропустил, трудоустроившись сразу после того, как мужской коллектив получил свою порцию носков

и одеколонов. Но в Женский день ему пришлось окунуться в подзабытую за студенческие годы атмосферу школьных «огоньков». О, незабываемый запах весны и предвкушение чего-то грандиозного и запретного, которые мы так хорошо запомнили в детстве: зима уже начала отступать вместе с приходом первого гендерного праздника и, как правило, совсем сдавалась к началу марта. Свежие весенние ветры сметали хандру скучных темных вечеров и раздевали прекрасную половину, заставляя юношеские гормоны бесноваться в безумном ритме в ожидании медленных танцев и томных вздохов у перевернутых парт. В банке классную комнату, прибранную для проведения «огонька», заменяла столовая, но пластиковые стаканчики и одноразовая посуда с сервелатом и сырами были такими же, как в детстве. И даже предвкушение чего-то необычного было почти тем самым, знакомым еще с детских лет. Повзрослевшие и даже постаревшие девочки принимали поздравления еще за обедом, а вечером после работы, когда столы выносили, несколько десятков человек умудрялись втиснуться в небольшое пространство, заполненное звуками музыки и танцующими парами. Только если в школьные годы взрослые пристально следили за моралью подопечных до конца мероприятия, сейчас, разумеется, основной праздник начинался сразу после отъезда руководства в лице Галины Борисовны.

Еще одним важным отличием этого первого в жизни Стаса странного кухонного корпоратива от школьных воспоминаний было, во-первых, неограниченное количество нескрываемого от старших хорошего алкоголя и, во-вторых, обилие черной икры, по количеству которой, помимо поваренной соли, Галина Борисовна, кажется, и определяла для себя степень процветания организации.

Именно за ней в первую очередь и собиралась направиться веселая троица на близлежащий рынок, где коллег, неоднократно посещавших его в преддверии каждого праздника, прекрасно знали, делали вид, что уважают, и, конечно, каждый раз пытались бессовестно обсчитать и обвешивать. Мирзе этот момент торговли и торжества справедливости, как восточному человеку, нравился больше всего.

К каждой поездке он тщательно готовился. Вот и сейчас под звуки втыкающихся в стену и в цель дротиков и болтовню Коляна он составлял подробный список покупок.

В этот момент в комнату дилинга ворвалась Елена Григорьевна – она считалась руководителем управления, где трудился Николай, и была одной из основных долгожительниц банка, заставшей его первые дни. То есть, по идее, являлась человеком уважаемым и значимым.

– Колян! Ну, где ты еще можешь быть! Надо что-то делать! – хриловатый голос начальницы срывался на крик.

– Спокойно, Елена Григорьевна, что случилось? – на Коляна вид встревоженной дамы произвел ровно такое же впечатление, как многочисленные назойливые туристы на солдата, застывшего в почетном карауле.

– Пушечную заливает! Там крыша протекла! Надо что-то делать!

Это был очередной дальновидный проект Галины Борисовны, на который она также нехотя согласилась, уступая, с одной стороны, мнению коллег о необходимости работать и с посторонними клиентами с улицы, а с другой – следуя все той же собственной интуиции. «Надо развиваться. У нас все в онлайн. У нас есть собственная сеть – целых два обменных пункта!» Один из которых, правда, облюбовал тот самый валютчик по имени Шурик.

– А что мы сделаем? Вы успокойтесь, Елена Григорьевна, я же не кровельщик. И не сантехник даже. Ну заливает и заливает. Как зальет, просушим все и будем смотреть.

– А... – Елена Григорьевна так и не придумала ответный аргумент, в целом согласившись с доводами подчиненного, которые, к тому же, очень удачно ложились в ее собственную концепцию почти что буддийского непротивления обстоятельствам. Она ретировалась из комнаты, соображая, как, используя напор и природную силу голосовых связок, объяснить Галине Бори-

совне, что так и не открытый с сентября дополнительный офис не начнет работать, видимо, и весной. Впрочем, Галину Борисовну это не слишком расстроило.

Наблюдая за этой сценой, Стас был поражен не столько стоицизмом коллеги перед лицом неожиданного происшествия, сколько его откровенным равнодушием в отношении переживаний начальствующей персоны. Признаться, это было не единственной парадоксальной особенностью деловой субординации, с которыми ему пришлось столкнуться в первое время работы. В учебниках по управлению персоналом Стас подобных примеров ранее никогда не встречал.

Временно отставив дартс и напрочь проигнорировав предложение заодно съездить в терпящий бедствие офис, команда дилеров и примкнувший к ним Колян выдвинулись на рынок.

Мирза чувствовал себя в этой продуктовой Мекке, где, как и повсеместно в Москве, господствовали представители братских закавказских республик, как дома. Продавцы принимали его за своего и поэтому старались обмануть не очень сильно, он же ежеминутно ностальгировал по временам тотального советского дефицита, когда врожденная восточная смекалка и связи позволяли ему безбедно существовать в голодные студенческие времена.

– Так, карбонат и колбасу забрали, осталась икра.

Подойдя к лотку с разнообразной икрой, Мирза и Колян придирчиво попробовали образцы.

– Ребята, а сколько брать будете?

– Два килограмма. Почем отдашь?

Продавец интуитивно понял, что ребята тратят не свои деньги и вполне могут обеспечить ему недельную выручку. Смекнув это за долю секунды, он решил назвать цену, которая была вполне адекватной. Но многовековой этикет поведения на базаре, усвоенный Мирзой еще в детстве, требовал обязательной торговли, чтобы не оскорбить ни покупателя, ни продавца.

– Да вы что? За такие деньги я сам ее съем, – южанин был явно удивлен таким поворотом событий.

– Ну, дружище, за твою цену мы в «Азбуке вкуса» купим официальную, а не этот контрабас, – Колян с крайне недовольным и серьезным видом позвал коллег за собой, надеясь, что в последнее мгновение торговец поймет, какого солидного куша он себя лишает, и сбавит цену.

Но продавец этого не сделал. Проехав несколько районных магазинов, где икра была либо соленой и сухой, либо гораздо более дорогой, чем они предполагали, коллектив фуражиров понял, что придется возвращаться на рынок.

– Неудобно получится, – Мирза, хоть любил торговаться с азартом и вызовом по отношению к продавцу, в душе порой был очень стеснительным и ранимым человеком.

– Да ладно тебе, брось, что ты в самом деле? Нормальное дело совершенно, – у Коляна, напротив, во всех вопросах был деловой и прагматичный подход.

Даже Стас, в торге из застенчивости не участвовавший, был готов согласиться с Мирзой, но, услышав бодрые аргументы Коляна, почувствовал уверенность в их справедливости и верности выбранной стратегии. Он с интересом наблюдал за коллегой и ожидал дальнейших распоряжений. Его прагматичный напор, деловитость и отсутствие ненужных переживаний вызвали неподдельное уважение вчерашнего студента.

– Евгений, сейчас на первый рынок поедem, – Колян уверенно обратился к банковскому водителю, которого им временно выделили, оторвав от поездок в экспедицию Центрального банка и за пакетами в ЦУМ. – Только вы где-нибудь машину припаркуйте. Мы вас подождem в ней. Можете сходить к рыбному прилавку, там икру черную купите? А то мы немного... это... в общем...

От начальной бравады и деловитости Коляна в конце речи не осталось и следа. Такого поворота событий Стас не ожидал, но, как показала его дальнейшая жизнь в коллективе, столь показательный эпизод с бессмысленной торговлей за икру и отсутствием логики в принимаемых решениях можно было смело назвать деловым кредо банка и многих сотрудников. Это

было тем более забавно, что в тратах на икру и прочие подарки Галина Борисовна никогда не скупилась и экономию, даже если бы она вдруг случилась, в любом случае не оценила.

Вечером на общем столе Стас с удивлением обнаружил лишь скромную тарелку с тарглетками, которые были щедро наполнены маслом и скупы приукрашены редкими икринками. Остальные запасы, как пояснил Мирза, пошли на подарки клиентам. И, конечно же, на праздничный стол самой Галины Борисовны и Алика.

Действительно забавный случай, что и говорить.

За дело!

На московских улицах бушевала весна. Воздух был пропитан дурманящим ощущением пробуждения к новой жизни, которое пьянит и беззаботных школьников, и бойких студентов, и вечно спешащих клерков, и даже уставших от жизни вечно недовольных пенсионеров. Одних весенняя капель вдохновляет на подвиги и обещает, что все самое главное еще впереди, других убеждает, что еще не все потеряно, а третьих успокаивает воспоминаниями о том, что все уже было...

– Вам надо обязательно рассмотреть возможность инвестирования в этот уникальный продукт, – молодой менеджер Сбербанка вальяжным тоном выполнял обязательную программу продвижения в массы идеи покупки каких-то структурных нот. Причем уверенность и почти учительская интонация в его голосе явно свидетельствовали о том, что он абсолютно не понимает, что именно предлагает и почему потенциальная жертва должна обратить внимание на пресловутую уникальность. Которой, разумеется, не было и в помине.

– Спасибо, мне только подтвердить перевод. В приложении этого почему-то сделать нельзя.

– Да-да, нельзя. Но позвольте, я вам расскажу об особенностях хеджирования рисков с нашим инвестиционным подразделением, – юноша, который, по всей видимости, еще не окончил институт, почему-то не вызывал у Стаса никакого снисхождения и желания подыграть его напускной профессиональной настойчивости.

– Я пятнадцать лет занимался разнообразными инвестиционными продуктами и прекрасно знаю, что, кроме дополнительной комиссии, которую берут даже с убытков, ничем хорошим это мне не грозит, – Стас ответил несколько более резко, чем хотел бы сам.

– Возможно, вы просто сталкивались с неверными стратегиями, – студент, кажется, бестактности не заметил. Более того, в его голосе почти явно слышалась насмешка, вызванная не столько досадой от очередной неудачной продажи, к которым он уже привык, сколько сомнением в том, что сидящий напротив мог всерьез что-то куда-то инвестировать.

Подавив желание ответить на невысказанный вслух и, возможно, даже надуманный скепсис, Стас поспешил попрощаться с юным банкиром.

Отторжение, которое Ратников испытал только что, заставило его вспомнить о самом себе в таком же юном и дерзком возрасте. Молодой, по-юношески и беззастенчиво уверенный в своем интеллектуальном превосходстве и компетентности, этот сотрудник тем не менее не был похож на Стаса в те годы, когда тот только начинал свою карьеру. Менеджер буквально источал наследственное благополучие, которое напрочь лишало его чувства неуверенности и страха от того, что ошибка может привести к карьерному провалу. В случае неудачи юноша располагал большим запасом дополнительных попыток, который ему, несомненно, обеспечивала поддержка родителей. Хороший костюм, щеголеватый тонкий галстук и дорогие часы Audemars Piguet – все это было куплено не на скромную зарплату начинающего клерка.

В его возрасте Стас мог об этом только мечтать. Однажды он наивно принял за искренний интерес шутку одного из заместителей Галины Борисовны о подаренных ему отцом по случаю Нового года простеньких кварцевых, в стальном под золото корпусе часах Seiko.

– Это же сталь и золото! Эту модель сейчас встретишь даже реже, чем Daytona сталь-золото, – едва заметно ухмыляясь в свои жиденькие кошачьи усы, сказал ему за обедом бывший друг бывшего первого президента банка, который, несмотря на давнее изгнание товарища, все еще оставался бессменным и действующим вице-президентом.

Бывшим другом Александра Евгеньевича Евгений Алексеевич стал еще до того, как тот превратился в бывшего президента. Как это часто бывает, причина размолвки между старыми приятелями крылась не в фундаментальных разногласиях по философским проблемам бытия,

а в отказе одного из них от признания смехотворного долга за какую-то веселую пьянку в размере пятисот-шестисот долларов. Сумма и по тем временам была не судьбоносная, но для старых приятелей она стала роковой. С тех пор Евгений Алексеевич навряд ли имел основания жалеть об утерянном товариществе, продолжая делать успешную карьеру банкира и при этом практически не отягощая себя необходимостью серьезно вникать в работу организации.

Сейчас на руке Стаса красовались одобренные когда-то этим же старшим товарищем вечные Breguet, которые он смог купить лишь спустя много лет работы в банке. Да и костюм, причем гораздо дешевле того, в какой был одет юноша из Сбербанка, Ратников приобрел немногим раньше, чем часы. Тогда зарплаты стали выплачивать уже без конвертов, а после очередного повышения ставки по воле всесильной Галины Борисовны Стас впервые перестал мечтать о том, что скоро его семье опять улыбнется удача. Она, казалось ему тогда, уже улыбнулась или по крайней мере начала слегка поднимать уголки соблазнительных губ. На радостях он купил свой первый костюм Boss, казавшийся, по смутным детским воспоминаниям о лихих и тучных девяностых, не стандартной униформой офисного клерка, а символом делового успеха. «Сбылась мечта идиота», – торжественно заявил отцу юный банкир, внося в квартиру кофр, словно это был сундук с сокровищами. Тем более что цена быстро пришедшего в негодность костюма была по меркам его тогдашнего дохода действительно под стать драгоценностям.

В отличие от молодого клерка, которого Стас за все время общения так ни разу и не видел в одинаковых костюмах, он носил, не снимая, этот первый банковский трофей несколько лет. И когда от вечного ерзанья на старых замызганных стульях дилинга ткань слегка протерлась на самом что ни на есть пикантном месте, он нашел вполне естественным скрепить эту «дыру в мечте» простой булавкой, резонно предположив, что если не снимать пиджак, то этого никто и не заметит. Незатейливую конструкцию, конечно, замечали и, вероятно, смеялись за спиной, когда, пробегая по узкому коридору с очередной порцией бумажек мимо тесного кружка стульев, на которых располагался курящий актив женского коллектива банка, Ратников демонстрировал не только проблемы с гардеробом, но и отсутствие в семье человека, способного их решить более действенным и проверенным способом – при помощи нитки и иголки.

Юный менеджер такими тревожащими душу воспоминаниями поделиться, конечно, не сможет. Бедняга! Что он знает о романтике восхождения с последних ступеней социальной лестницы в дырявых брюках? Что он сможет рассказать потомкам о бриллиантовом дыме, который заполонил комнатку дилинга еще гуще, чем знаменитую остоповскую дворницкую, когда в кассе Стасу выдали повышенную по случаю защиты кандидатской диссертации зарплату в размере ста тысяч рублей? Разумеется, этот юноша был сыном состоятельных родителей, который добился своего первого карьерного успеха, когда, не без колебаний, согласился с необходимостью «набираться ума и опыта». Почти наверняка именно так утверждал его отец, договариваясь со знакомым зампредом гигантского государственного кредитного учреждения о стажировке нерадивого чада.

Однако, предполагая это, Стас узнавал в этом амбициозном начинающем финансисте не только и не столько себя. Конечно, он не мог не признать, что ему знакомы и этот легкий апломб в общении, и уверенность в том, что он знает какие-то сакральные тайны инвестиций просто потому, что прочитал книг больше, чем его однокурсники. Сейчас, по прошествии стольких лет, это было смешно, но очень напоминало первые годы карьеры.

Внезапно Ратников понял, что на самом деле этот юнец скорее поздняя копия Паши Самарцева, его старого институтского товарища, который присоединился к дружному коллективу банка спустя несколько месяцев после прихода туда самого Стаса и, конечно, не без его непосредственного участия.

Тот год был насыщен кадровыми пополнениями. Кажется, что Галина Борисовна, наконец, смогла вернуться к реальности, которая все равно держала ее в узком и темном коридоре отчаяния от свалившейся на нее два года назад беды. Консервативная и чуждая перемен,

Галина вдруг разом омолодила коллектив. Ей нужно было начинать все заново, возродить то, что она внезапно потеряла, и возродиться самой.

Поэтому, когда Стас пришел к Мирзе с идеей взять к ним в отдел Самарцева, сомнений в успехе этой затеи ни у кого не было.

Идея родилась после их встречи с Пашей перед самой защитой диплома. Ратников откровенно хвастался первыми карьерными успехами, потому что втайне несколько лет завидовал приятелю, наблюдая изо дня в день по дороге к метро, как тот на собственном автомобиле увозит в боулинг очередную подружку. Он живописал прелести своей новой работы, где утро начинается с похода в отнюдь не парфюмерный магазин с поэтичным названием «Ароматный мир», а в конце месяца за это дуракавальние еще и неплохо платят. Самарцеву такой подход понравился, тем более что он давно хотел обзавестись каким-нибудь солидным статусом, а роль «банкира» казалась вполне для этого подходящей. Поэтому они решили поинтересоваться, нельзя ли и ему, без пяти минут дипломированному специалисту, присоединиться к дружному коллективу Внештрансбанка.

Вскоре Паша Самарцев, одетый благодаря стараниям состоятельного дяди как заправский фронт, предстал перед глазами Галины Борисовны.

– А кто у вас родители? – за несколько месяцев знакомства с начальницей Стас уже понял, что суровый тон и манера задавать на собеседовании граничащие с хамством вопросы, которые в лучшем случае вызывали у собеседника оторопь, – всего лишь умелая маскировка и тактический прием. – Не алкаши, надеюсь? Сами-то, смотри, выпить любите?

– Нет, что вы, – Паша сделал вид, что не заметил очевидной бестактности, держался подчеркнуто деликатно и строго следовал данным ему заранее указаниям. – Родители – врачи, папа – главврач Боткинской больницы, мама сейчас не работает, а дядя... дядя – председатель фонда медицинского страхования Москвы.

Правильно расставлять акценты его научил Мирза, которому новый знакомый сразу приглянулся. Он же заблаговременно сообщил подробности семейных связей Самарцева Галине Борисовне. И это было единственное, что заинтересовало ее в потоке бахвальства от молодого гордеца, в котором она разглядела для себя и для банка новую цепочку перспектив.

Собственно говоря, после этих объяснений Паши вопрос о возможности его трудоустройства был решен, а сети Галины Борисовны пополнил еще один клубок интересных связей, который она много лет будет ниточка за ниточкой вплетать в пестрый ковер своей клиентуры.

Хозяйка Внештрансбанка, наверное, ни за что бы не призналась себе, что создававшийся в те годы коллектив представлял собой собранные воедино кусочки разрушенной мозаики, отражавшей ее представления о том, как бы она управляла банком, будь рядом с ней Давид. Но это было именно так. В каждом новом сотруднике она находила что-то, что хоть отдаленно напоминало реального или возмужавшего в ее мечтах сына. Вот и в Самарцеве она заметила здоровую амбициозность и слегка преувеличенную горделивость, трепетно возвращенную на желание во что бы то ни стало оправдать надежды и чаяния родственников. Все это было ей только на руку, а уж обуздать норы зеленых юнцов она всегда сумеет.

Если поверить в то, что банк со временем почти полностью заменил ей семью, то призванная в тот год под ее знамена молодежь стала чем-то вроде сборного образа самого родного человека, которого надо воспитывать в строгости, публично порицать за неверные поступки и все же беззаветно любить, потакая шалостям и капризам.

Стас долгое время ничего не знал о той трагедии и удивлялся неделовой, в его понимании, манере обхождения Галины Борисовны с подчиненными. Впервые завеса мрачной тайны открылась ему лишь спустя почти полгода после трудоустройства. Придя на работу, он неожиданно столкнулся с атмосферой траура, которая, казалось, вырвалась из души начальницы черным облаком и на сутки окутала коридоры банка.

В тот июльский день руководство, включая их с Пашей непосредственного начальника, появилось в офисе лишь к полудню. Одета в черное Галина Борисовна их к себе не вызывала и на обеде не появилась. А ближе к концу рабочего дня в столовой накрыли для сотрудников столы с разнообразными закусками, бутербродами, конфетами, фруктами и соками. Эта традиция будет неукоснительно соблюдаться все те годы, что Паша и Стас проработают в банке.

Так постепенно с поминок по несбывшимся мечтам и начиналась история новой жизни Внештрансбанка.

Дело компании Ю

– Официальный представитель Следственного комитета заявил, что обыски и задержания, прошедшие сегодня в Москве, связаны с уголовным делом, возбужденным ранее по подозрению в совершении преступлений, связанных с мошенничеством в особо крупном размере, – мгновенно позже сухой тон ведущей радионовостей избавился от скучающих официозных ноток и она с радостью сообщила, что в город пришла долгожданная весна.

Для кого-то, судя по новостям, ожидание опьяняющей и всегда скоротечной московской весны сменилось куда как более прозаичным и мучительным ожиданием дальнейшей судьбы, перспективы которой наверняка еще вчера казалась безоблачными и многообещающими, а уже сегодня обернулись необходимостью привыкать к новой, скудной обстановке замкнутого пространства, внутри стен которого буйство долгожданной весны, увы, не имеет никакого значения.

В 2003 году такие новости были в новинку и после эпохи Семибанкирщины и прочей пост-ельцинской боярщины казались равносильными сообщениям о революции.

Той весной Стас и его институтский товарищ Пашка чувствовали себя уже настоящими банкирами, по крайней мере, точно хотели, чтобы именно такое впечатление они производили на окружающих людей, в особенности, разумеется, женского пола.

Однако горделивый ответ на стандартный вопрос о роде занятий порой наталкивался на обескураживающую реакцию.

– Банкир? Так банкир же тот, кто владеет банком. А ты, получается, клерк. – Вот так, попростому и безобидно, поднаторевшая в особенностях столичных экономических отношений «нулевых» годов тогдашняя посетительница модного кафе разрушила низменные Пашкины планы, первый этап которых состоял в объявлении о престижной профессии.

К сожалению для него, безвестная охотница за перспективными женихами была, конечно, права. Целый год юноши развлекали себя как могли, дополнив традиционные дилинговые забавы, состоявшие из игры в дартс, дегустации низкопробной продукции «Ароматного мира» и прослушивания любимой музыки Мирзы, чем-то отдаленно напоминавшим профессиональную активность. Но несмотря на появление в их каморке модного терминала интернет-торговли, регистрацию на всевозможных биржах и даже аренду рабочего места в мертвецки спокойном зале торгов государственным долгом на ММВБ, они подозревали, что все это – лишь имитация серьезной работы, которая требуется банку и лично Галине Борисовне не больше, чем какая-нибудь реклама кредитных продуктов Внештранса, которую хозяйка могла вообразить в то время лишь в страшном сне. Если бы не случай и не ее пресловутые обширные связи, дилеры-самоучки еще долго продолжали бы поднимать самооценку, тщетно важничая, когда рассказывали о своей работе случайным знакомым. Но все изменилось в одночасье.

Началась эта история с визита в банк давнего знакомого Галины Борисовны, который то ли по своей скупости, то ли по осторожности оставался в категории потенциальных и перспективных клиентов, но никак не переходил в разряд действующих, то есть тех, кто уже внес вклад в копилку семейного предприятия. Возможно, потому, что деньги у него были свои личные, а не казенные.

Артем Алексеевич Кштойац был, что очевидно, армянином. После этого любые попытки описать его характер, карьеру и даже внешность, наверное, теряют смысл. Он был невысокого роста, носил большие очки и был чем-то похож на филина. Армянского филина средних размеров, который, как казалось банковским клеркам, которые изредка встречали его в коридорах и из чувства такта пытались робко поздороваться, крайне не любит разговаривать, а возможно, просто туговат на ухо.

Тем не менее в кабинете Галины за плотно закрытыми дверями он был разговорчив и все прекрасно слышал.

– Ты пойми, это большие деньги.

– Ой, Артем, я так не люблю этот Форекс, да еще и после истории с ГКО, – Галина поморщилась и мысленно представила себе растерянный взгляд того «козла» в августе 1998 года.

– Да при чем тут Форекс, скажи мне, пожалуйста?! Что ты валишь все в одну кучу: Форекс, ГКО. История с ГКО – дело международного масштаба, – от флегматизма Артема Алексеевича, когда он оставался наедине с доверенным человеком и обсуждал возможную выгодную сделку, не оставалось и следа. Он щедро, не стесняясь, приправлял свою слегка невнятную речь обильной порцией нецензурных выражений и мгновенно багровел. – Дело решенное. Они объявят об объединении компаний, и цена улетит в космос. Главное – успеть, но и не начинать суетиться раньше времени – перед самой сделкой уважаемые люди будут входить в позиции, и для них Рубик организует просадку. От тебя мне нужен инструментарий выхода на рынок и кредит. Ты же знаешь, своих денег у меня мало, а сделка верная. Сама понимаешь, я хочу заработать на старость!

Он всплеснул руками, стараясь подчеркнуть безобидность своих намерений. Галина Борисовна недоверчиво прищурилась, но все равно кивнула в знак согласия: старость – это святое. Впрочем, она, конечно, прекрасно знала – денег у Артема Кштоянца, работавшего в фонде Ходорковского еще в те самые лихие времена, о которых респектабельные нефтяники теперь предпочитали не вспоминать, было очень много даже по меркам самой Галины Борисовны, искренне полагавшей, что денег много никогда не бывает.

Тем не менее что-то здесь было не так. Нет, она, безусловно, верила Кштоянцу, да и кто она такая, чтобы сомневаться в словах людей, сколотивших себе на подобных историях огромные состояния? Но червь сомнения не покидал ее даже после того, как она согласилась с доводами гостя и приступила к обсуждению условий сделки.

– Артем, ты же знаешь, какие сволочи эти клиенты. Деньги у меня не бесплатные, меньше, чем под двадцать пять годовых, я тебе никак не могу дать кредит. У меня проверки, аудиторы, черт бы их побрал. Ты же сам все знаешь! – она смерила Артема взглядом, который предполагал, что именно этот последний и весьма пространственный аргумент является самым важным. – Тем более, если цена вырастет в два раза за несколько недель, ты эти жалкие проценты даже не заметишь. Не экономь на бедной женщине!

Кштоянец торговался профессионально, грамотно, переходя на особый «крик шепотом», и где-то матом, где-то угрозами уйти с аналогичным предложением к другому знакомому банкиру-армянину, что фактически означало молниеносное распространение «инсайда» от Сахалина до Арарата, выбил для себя ставку в двадцать процентов и кредит в размере ста миллионов рублей.

Спустя час после его ухода в кабинет пришел Альберт Борисович.

– Ну, что этот мошенник на этот раз хотел? – взявшись по привычке за лацканы пиджака, Алик внешне безучастно выслушал рассказ и сомнения Галины.

Он старался не выдавать своего азарта, который при словах о возможном заработке тут же заставил работать его ум сразу в двух направлениях. Во-первых, будучи по природе и благодаря своим генам рискован человеком, Алик считал предложение Кштоянца заслуживающим внимания. Во-вторых, он понимал, что даже если с ростом цены что-то пойдет не так, он всегда сможет подстраховаться заранее и извлечь выгоду вместе с частью выделенных на сделку денег, использовав их по своему усмотрению.

– Надо брать. Послушай, – новая идея все больше распаляла воображение Алика, – это серьезная нефтяная компания. Даже если что-то сорвется, обвала не будет – у нас просто нечего покупать больше на рынке. Пересидим в акциях. ЮКОС – это тебе не фантики какие-то. Это же голубая фишка. Не обанкротится же он в конце концов?

Точность этого прогноза, как показало время, была феноменальной, но именно последний аргумент попал точно в цель.

– Не учи меня. Я эти голубые фишки еще на Нью-Йоркской бирже видела, когда ты тут с шалавами шлялся. Не люблю я этот Форекс, – снова поморщившись, как от случайно попавшего в еду кислого лимона, она все же внутренне успокоилась и уже продумывала схему их участия в деле. – На банк боюсь много брать. Там переоценка будет, налоги... Надо часть напрямую взять, а часть на наши фирмы. Пойду скажу Наташе.

– Да, согласен. И на мои тогда тоже дай миллионов по пятьдесят там, – как бы невзначай добавил Алик.

– Сейчас еще! Ты своим дурам лучше скажи, чтобы отчетность прислали, – кредит Галина Борисовна, конечно, собиралась дать.

С этим поручением она направилась к начальнику кредитного отдела – импозантной молодящейся даме, которая все больше и больше поражала своих коллег, шептавшихся за ее спиной о том, что, как и в случае с героиней Ахеджаковой, зарплата у Наташи была почти секретарская, а вот наряды – сплошь заграничные. Не говоря уже о машинах, квартире и золотой карте модного казино на набережной Яузы. Все эти достижения Наталья приписывала, как ни странно, тому месту, что раньше особенно ценилось в дефицитных мясных отделах советских продуктовых магазинов. Она называла эту часть ни много ни мало «принцессой», приписывая ей огромные заслуги в деле получения всевозможных земных благ.

– Да это принцессице настоящее, – глотнув из бокала, рассмеялся Мирза, который лучше других догадывался об истинных причинно-следственных связях между «принцессой», появлением поклонников и наличием необъяснимых доходов коллеги. Связь была обратная, и «принцесса» в этой цепочке была, очевидно, самым мощным, но в то же время и самым слабым, и самым последним звеном.

Тем не менее Наташа, хранившая с недавних пор в ящике стола честно купленную справку о проблемах с кровообращением головного мозга, затрудняющих адекватное восприятие ситуации, в такого рода делах была исполнительна и действовала четко, не задавая лишних вопросов. Собственно, именно эти «дела» и сподвигли ее на получение справки, а чуть ранее подсказали, как ими умело воспользоваться на благо собственной «принцессы».

– Раскидаешь на эту и на эту, – показывая на заполненную цифрами и названиями бумажку, она инструктировала свою дальнюю родственницу Лену, которую взяла на работу еще несовершеннолетней студенткой техникума и теперь постепенно выводила в свет, вводя в курс этих самых «дел».

Через некоторое время все предварительные приготовления были сделаны, а Алик даже успел оприходовать небольшую часть выделенных ему на покупку «голубых фишек» средств совершенно в иных целях, ссылаясь для проформы на неотложные производственные нужды.

– Послушай, Галь, – он всегда был крайне убедителен в своих объяснениях, – когда он там даст отмашку, непонятно. Я сейчас для дела их использую. Деньги должны работать. Ты мне их под восемнадцать процентов дала, я не могу позволить себе терять деньги. Когда запустите процесс, я верну.

Он, конечно же, ничего не вернул, да и не собирался этого делать, ответив на формальный вопрос сестры о целях перевода что-то в духе нерадивого героя фильма «Джентльмены удачи»: «Надо!»

Для обитателей дилинга эта операция была настоящим погружением в мир больших финансов. Читая в книгах или наблюдая в кино, как воротилы Уолл-стрит в мгновение ока становятся миллиардерами, прокручивая сделки со знакомыми из учебников, но малопонятными названиями, Стас, Паша и примкнувший к ним Мирза впервые почувствовали свою сопричастность к чему-то важному и значимому.

Постепенно пул участников «сделки века» разросся настолько, что, казалось, именно неуклюжие действия счастливых обладателей инсайда от господина Кштянца и спровоцировали пусть и не взрывной, а скорее вяловатый, но все же уверенный рост цен на акции ЮКОСа.

Суммы на счетах, отражавшихся в терминале интернет-клиента, поражали молодой неокрепший разум. Речь шла о нескольких сотнях миллионов рублей, в то время как валюта баланса банка составляла всего несколько миллиардов.

До этого момент подобный масштаб операций Стасу даже не снился.

– Короче, десятку вторым рейсом отправят, – Мирза плюхнулся в кресло после возвращения от Галины Борисовны.

– А что покупать? Ты прочитал записку? – в лучших традициях студента-зануды Стас подробно, на несколько страниц, расписал обоснование структуры и состава портфеля ценных бумаг, проведя его оптимизацию по методу Шарпа с использованием допотопных макросов, позаимствованных из института.

– Я в этом вообще ничего не понимаю, – Мирза забавно задрал ноги, выставил вперед ладони и, качая головой, выпятил нижнюю губу. Это пантомима была призвана наглядно продемонстрировать его нежелание быть причастным к возможным последствиям ошибочности сделанных в записке выводов. Тем более что Галина Борисовна ее прочитала и, в очередной раз вспомнив про свой визит на Нью-Йоркскую биржу, видимо, одобрила.

– Ну, смотрите, если что – шкуру сниму.

Спустя некоторое время и после массы бессвязных манипуляций с полудюжиной хоть сколько-нибудь торгуемых на ММВБ ценных бумаг о Шарпе новоявленные воротилы фондового рынка, конечно же, забыли. Присоединился к активной торговле и азартный Мирза.

– Давай, покупай, – он рисовал на графике движения акций Ростелекома разнообразные линии, изображая каналы, линии поддержки и сопротивления и наконец просто какие-то кривые геометрические фигуры. – Вот видишь, тут «голова-плечи» перевернутая. Это еще Андрюха любил рисовать.

– Помогало?

– Не-а.

Как правило, после нелогичной покупки на падающем рынке, когда страх и жадность вступали в противоборство, объект инвестиций продолжал обесцениваться, и тогда Мирза, пятнадцать минут назад еще уверенный в справедливости сотворенных им чертежей, произносил сакраментальное:

– Все, – далее следовало непечатное слово, означавшее неудачное окончание какого-либо процесса, – тренд сменился. Вот, видишь?

И он снова рисовал все новые и новые линии, пессимистично доказывая изменившуюся, но вновь твердую точку зрения.

В итоге каждый день, забиваясь в метро, Стас всю дорогу переживал о том, что портфель находился в просадке. Однажды он всерьез размышлял о необходимости, как честному человеку, уволиться, так как убыток от переоценки по позиции акций Ростелекома превысил размер его зарплаты за полгода. Он составлял сорок тысяч рублей.

Но в ситуации с ЮКОСом Стас и присоединившийся к операции Мирза действовали строго по инструкциям, поступившим от таинственного Кштянца.

– А когда покупать-то?

– Хрен знает, – Мирза, хлопнув в ладоши и провалившись в старое кресло, принялся рисовать свои знаменитые линии уже на графике движения цен на акции ЮКОСа.

– Хорошо, а ждать-то чего? И покупать все сразу или ждать просадки?

– Слушай, бери, как сказали, а то потом мы же и виноваты будем.

Более никаких внятных сигналов от владельца могущественного инсайда так никто и не дождался. В какой-то момент по команде Галины Борисовны дилеры начали подбирать

топтавшиеся на месте акции, всерьез переживая, как бы не вмешаться своей парой—тройкой миллионов долларов в глобальные игры больших людей.

– Артем Алексеевич, не переживай ты так, все сделано, все в лучшем виде, дорогой, – Галина старалась изобразить голосом как можно более очевидную беззаботность и уверенность в успехе предприятия. – У нас не Америка, так что никто никого ни в чем не обвинит, даже слова-то такого на «И» никто не знает.

В этом телефонном разговоре собеседники, будто бы дети, играющие в разведчиков, усиленно убеждали друг друга в строгой конспиративности ведущегося диалога об инсайдерской торговле – то самое слово на «И». Правда, слушающий их, если таковой вообще на тот момент времени существовал, должен был быть полным идиотом, чтобы не понять, что скрывается за буквами Ю и И. Впрочем, как показал дальнейший ход событий, эта информация вряд ли вообще кого-то в то время заинтересовала бы. Первоначальная тревога, преследовавшая Галину то ли по причине общего недоверия ко всем этим торговым делам, то ли из-за срабатывания внутренней сигнализации ее безотказной интуиции, подкреплялась тем, что, несмотря на прошедшие недели, на рынке не происходило ровным счетом ничего. Это непонятное затишье не мог объяснить и Кшстоянц, чьи аргументы в пользу штатного развития подготовительного процесса с течением времени ослабевали, видимо, перестав удовлетворять даже его самого.

Галина Борисовна беспокоилась больше всего не из-за вложенных банком денег, часть которых она едва ли не впервые с момента кризиса разрешила привлечь в однодневные продлеваемые кредиты у немногочисленных банков-партнеров. Для ее понимания принципов работы банка, в чем-то сходных с рачительностью хозяйки на собственной кухне, это уже был большой шаг вперед. По ее житейской логике, денег на счетах банка должно было быть много, как и соли в столовой, но вот привлекать их можно было исключительно от клиентов, с которыми, в отличие от банков, пусть даже таких же маленьких и дружественных, благодаря, разумеется, многолетним связям собственников или руководителей с самой Галиной, всегда можно было договориться. Проблема была в другом. Узнав о готовящейся крупной сделке и возможности на этом заработать, она, как и брат, мгновенно смекнула, как использовать эту информацию. Правда, в отличие от него, она не намеревалась потратить часть выделенных под эту историю средств на сторонние нужды. Ее мысль, как обычно, работала в направлении пополнения числа клиентов за счет оказания небольшой услуги. Причем на этот раз даже не надо было делиться деньгами. Схема, использованная Галиной Борисовной, была предельно простой. В частных разговорах с состоятельными клиентами она нарочито сумбурно и без деталей, которых она, к слову, толком и не знала, рассказывала о перспективах заработка на акциях ЮКОСа, многозначительно ссылаясь при этом на таинственных заинтересованных и очень высокопоставленных людей. Ее собеседники, зная о ее связях, ни в коей мере не сомневались в достоверности этой информации. Все, что им было нужно, – обеспечить фондирование банка на время ожидания сделки, благодаря чему часть размещенных уже в их интересах средств, но от чужого имени, направлялась на покупку акций той самой компании «Ю». Доход от сделки получали они лично, а компания обоснованно рассчитывала лишь на небольшой процентный доход от вклада. В результате, как в знаменитой поговорке про овец и волков, все должны были остаться довольны.

Очевидным слабым моментом в этой тривиальной схеме был тот факт, что источник информации, на который, как теперь оказалось, не зная того, уповало сразу столько разных людей, сам оказался в растерянности и на деле не понимал, почему подготовленная и одобренная в верхах операция внезапно застопорилась. Галина прекрасно чувствовала и осознавала, что в случае провала исправить ошибку информатора будет практически невозможно. В первую очередь, не из-за потерянных денег, которые она уже пообещала другим, а потому,

что этот промах мгновенно разрушит так бережно и долго создававшийся миф о всесильных и таинственных «некто», якобы оберегавших банк и помогавших ей в работе.

С такими мыслями она ежедневно уходила и приходила на работу, а сейчас старалась спрятать их подальше, чтобы не выдать опасения в разговоре с самим Кштойянцем. Она позволила ему сама и начала разговор с абстрактного вопроса: «Как там наши дела?» Артем Алексеевич поначалу отвечал неохотно, но, постепенно распаляясь, уже битых полчаса вещал ей про общую ситуацию в стране и мире. Прервать его и сослаться на какие-то более важные дела Галина Борисовна просто не могла.

Вдруг тишину кабинета, изредка прерываемую ее односложными поддакиваниями собеседнику, нарушил громкий звонок золотого Vertu, лежащего на столе. Недовольный взгляд на беспокоящий аппарат в мгновение сменился почти что на испуг.

– Артем, дорогой, можно я тебе перезвоню? Очень важный звонок! Спасибо, обнимаю! – На экране высветился номер Анжелики.

Спустя три года после случившейся беды отношения внутри семьи были сложными. Анжелика, так до конца и не принявшая версию произошедшего с ее мужем, небезосновательно считала виноватым Алика. Никаких реальных фактов у нее, конечно, не было, но слухи, полуправды, странные умалчивания вместе с общим неприятием ею образа жизни родственника выливались в раздражение и нескрываемое пренебрежение необходимостью общаться с остальными представителями семьи. Но единственной жертвой этой неосознанной мести оставалась одна лишь Галина Борисовна. Потеряв сына, она со временем отчасти поняла, а отчасти просто убедила себя в том, что последней причиной, по которой ей надо двигаться вперед и что-то делать, является ее внук Артур. Именно благодаря ребенку Анжелика из почти что бесправного объекта недовольства и претензий со стороны матери умершего супруга превратилась в полновластную хозяйку ситуации. Заключив негласное соглашение со свекровью, она установила свои правила и требовала их неукоснительного выполнения. Именно поэтому единственной причиной, по которой Галина Борисовна на протяжении всех оставшихся лет могла отвлечься от работы, отвечая на внезапный звонок или же соглашаясь на ненавистную поездку в теплые края, были требования невестки и внука. Артур стал для нее олицетворением смысла жизни, в какой-то момент отодвинув на второй план необходимость заботиться о матери и потакать прихотям Алика.

Выполнив обязанности бабушки и выслушав требования невестки, Галина Борисовна с еще более тяжелым сердцем вернулась к задаче выяснить у хитрого армянина, стоит ли ждать неприятных сюрпризов. Но повторный звонок ясности в ситуацию так и не внес, и ей снова оставалось уповать только на интуицию, которая с удвоенной силой начала бить в колокола: «Что-то пошло не так». Приходилось надеяться, что десятки клиентов, которых она обещала «озолотить» за собственный счет благодаря сверхсекретной информации из самых верхов, не разочаруются в ее связях и возможностях. В любом случае рассчитывать на компенсацию процентов, набежавших по их сугубо неформальным займам, она, конечно, не могла. Хорошо еще, если не придется рисовать для них несуществующий доход. Корила она в этом только себя: зарекалась же не связываться с этим Форексом, ГКО, акциями, интернетом, будь он неладен! И на тебе – и на старуху, как говорится, бывает проруха.

Тем временем ютившаяся перед мониторами троица о тревогах начальницы не подозревала и не испытывала никаких опасений относительно перспектив чужой авантюры. В конце концов, личной ответственности за принятие решений они не несли, а подчеркнутая важность и неуклюжая секретность операции придавали подобие студенческой деловой игры непривычную серьезность и позволяли ощутить собственную значимость и для банка, и для Галины Борисовны лично. Безответственная сопричастность к большим делам – что может быть приятнее, особенно когда тебе немногим больше двадцати! Тем более что это был, пожа-

луй, первый случай после кризиса, когда Внештрансбанк выступил в публичное пространство с вполне рыночной задачей, да еще и с использованием современных технологий, которые, как известно, у них всегда были «онлайн». Стас полагал, что об участии в этом предприятии, о котором строго-настрого запретили распространяться, было и впрямь нестыдно рассказать людям. Благо, что открыть страшную тайну, которой, похоже, на самом деле вовсе не существовало, он мог разве что отцу или беззаботным пятничным подружкам. Никто из них, очевидно, не мог поставить планы Кштоянца и компании под угрозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.